

другъ друга запугиваютъ, что ужъ призракъ нападенія превращается въ кашмаръ, отъ котораго народы, вотъ уже какъ міръ стоитъ, не могутъ отдѣлаться, и имъ себя такъ гипнотизируютъ, что въ концѣ-концовъ и въ самомъ дѣлѣ бросаются другъ на друга войною и льютъ рѣки крови, и разоряютъ себя взаимно.

Все это, конечно, и можетъ и должно исчезнуть. Но это случится тогда, когда люди усвоятъ и будутъ проводить *въ жизнь* ученіе Христа, съ одной стороны, а съ другой—подъ вліяніемъ роста знаній и культуры, а также роста дѣловыхъ и экономическихъ взаимоотношеній.

Но для этого необходимо *взаимопониманіе* людей, невозможное при разноязычїи. Поэтому всѣми мѣрами нужно стремиться къ скорѣйшему введенію между всѣми народами земли языка „эсперанто“. И разъ всѣ эти условія будутъ достигнуты, то скоро можетъ приблизиться и пробужденіе человѣка отъ кошмара взаимно-боязни и кошмара взаимно-убійствъ.

Но когда это будетъ? Когда человѣкъ отъ этого мучительнаго кошмара проснется?

Н. Зенинъ.

Очеркъ исторіи Рогожскаго кладбища въ Москвѣ.

(Къ 140-лѣтію его существованія: 1771—1911 гг.)

16 апрѣля минувшаго 1910 года свершилась пятилѣтняя годовщина знаменательнаго и памятнаго въ новѣйшей исторіи старообрядчества и всей Россіи событія, ознаменовавшаго собою первый реальный признакъ крутого поворота въ области давнишней несправедливой и жестокой политики правительства въ отношеніи старообрядчества и прочихъ гонимыхъ дотолѣ исповѣданій; я разумѣю открытіе алтарей Рогожскаго кладбища, пробывшихъ запечатанными почти полвѣка по ложному доносу представителей государственной церкви. По поводу пятилѣтней годовщины этого важнаго историческаго событія, нынѣ, впрочемъ, омраченнаго вѣроисповѣдной политикой Государственнаго Совѣта, и въ виду приближающагося исполненія 140-лѣтія существованія кладбища, я считаю полезнымъ напомнить исторію Рогожскаго кладбища, нынѣ являющагося центромъ всего старообрядчества, пріемлющаго Бѣлокриницкое священство, и нѣкоторыя главнѣйшія черты изъ его жизни.

Сто сорокъ лѣтъ тому назадъ, отведенная въ Москвѣ за Рогожской заставой для погребенія старообрядцевъ, пріемлющихъ священство, мѣстность Рогожскаго кладбища представляла не что иное, какъ нѣсколько могилъ рядомъ съ

большимъ курганомъ, свидѣтелемъ моровой язвы (чумы) 1771 года. Могилы не были даже обнесены заборомъ, какъ нынѣ, ни осѣнены этими соснами, березами, липами и другими деревьями, дающими живительную прохладу среди жаркаго лѣта въ этомъ мѣстѣ вѣчнаго покоя. Въ настоящее время внутри очень длиннаго и высокаго забора взоръ вашъ пріятно поражается видомъ цѣлаго обширнаго поселка, устроеннаго съ возможнымъ удобствомъ: внушительные храмы, огромная новая колокольня, богадѣлennыя и иныя палаты, прекрасная новая больница и новый пріютъ для душевно-больныхъ, училища, контора, много частныхъ домовъ и келій, скотный дворъ, водокачка, бани, пожарныя трубы и т. под. Вездѣ виденъ внѣшній порядокъ. На незанятыхъ и незастроенныхъ пространствахъ кладбища ласкаютъ взоръ зеленѣющіе луга, есть и огороды. Проточный прудъ (60 саж. длины, 15 саж. ширины), пополняемый родниковой, чистой и прозрачной водой, въ которомъ воспрещается купанье и мытье платья. На прудѣ, на особомъ помостѣ, устроена деревянная часовенка, въ видѣ балдахина, называемая „Іорданъ“. До пятидесятихъ годовъ на эту „Іорданъ“ ко дню праздника Богоявленія, несмотря на даль и морозы, не только собирались всѣ московскіе старообрядцы, но обыкновенно тянулись цѣлыми обозами старообрядцы и изъ провинціи, особенно изъ Гуслицъ, за „большой водой“. Со времени насильственнаго обращенія одной изъ Рогожскихъ часовенъ въ единовѣрческій храмъ во времена николаевщины, выходы старообрядцевъ на освященіе воды прекратились, и только провозглашеніе свободы вѣроисповѣданія дало возможность старообрядцамъ снова воспользоваться этой осиротѣвшей было „Іорданью“.

Въ настоящее время Рогожское кладбище находится во владѣніи и управленіи „Старообрядческой общины Рогожскаго кладбища“ и представляетъ единственное во всемъ старообрядчествѣ, пріемлющемъ священство, учрежденіе по своей обширности и богатству.

Какъ создалось это кладбище, и какъ оно постепенно дошло до современнаго своего положенія, я и хочу рассказать.

Рогожское кладбище имѣетъ свою богатую любопытными подробностями исторію, для составленія которой и въ петербургскихъ и въ московскихъ архивахъ, да и въ самомъ Рогожскомъ матеріаловъ болѣе, чѣмъ достаточно.

Эти матеріалы ждуть своего изслѣдователя для составленія подробной исторіи кладбища. Не вдаваясь въ эти

подробности, я ограничусь сравнительно краткимъ очеркомъ исторіи Рогожскаго кладбища.

Московское старообрядчество очень многочисленно. Еще въ 1845 году всѣхъ старообрядцевъ въ Москвѣ и губерніи *официально* числилось 73,484 человека обоюго пола. Но чтобы опредѣлить дѣйствительное количество старообрядцевъ, вскорѣ послѣ того министерство внутреннихъ дѣлъ произвело частное изслѣдованіе, не полагаясь на показанія официальной статистики.

И оказалось старообрядцевъ уже 186,000 человекъ*), изъ которыхъ приѣмлющихъ священство 120,000 человекъ, при чемъ половина этого количества въ Москвѣ, половина въ губерніи.

О многочисленности и силѣ московскаго старообрядчества, приѣмлющаго священство, можно заключить и изъ числа храмовъ и моленныхъ, которыхъ въ Москвѣ насчитывается около тридцати.

Московское старообрядчество издавна отличалось и своимъ богатствомъ, вслѣдствіе принадлежности къ нему большого количества купцовъ и фабрикантовъ. Изъ именного списка главнѣйшихъ прихожанъ Рогожскаго кладбища, относящагося къ 1838 году, видно, что изъ нихъ купеческихъ семействъ было 138, не считая потомственныхъ гражданъ, коммерціи и мануфактуръ-совѣтниковъ и т. под. Въ средѣ московскихъ торговцевъ и промышленниковъ мы до сихъ поръ видимъ много старообрядцевъ, владѣющихъ огромными капиталами: извѣстныя на всю Россію первоклассныя фабрики, заводы и т. под. московскаго промышленнаго района созданы старообрядцами. Это и естественно. Патріархальная, здоровая и сильная старообрядческая семья до 2-й половины XIX столѣтія жила во всемъ согласно своимъ предкамъ, по „Домострою“. Отсюда старообрядческая домовитость, бережливость, расчетливость, осторожность въ дѣлахъ, трудолюбіе, трезвость и враждебность къ модѣ и роскоши. А если вы припомните, что старообрядцы все время подвергались гоненіямъ и стѣсненіямъ за вѣру, при которыхъ и богатый и бѣднякъ подвергались одинаковому униженію личности и человѣческаго достоинства, то поймете, почему въ старообрядчествѣ прежняго времени развиты были болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, взаимная сплоченность, помощь и поддержка. Примите, далѣе, во вниманіе прежнюю замкнутость старообряд-

*) «Статистическія таблицы Россійской Имперіи», изд. Центр. Статистическимъ Комитетомъ. СПБ. 1863 г., стр. 235.

цевъ, чуждавшихся людей иной вѣры, и тѣмъ сильнѣе покровительствовавшихъ своимъ одновѣрцамъ, братьямъ по несчастью. Учтите, наконецъ, общія экономическія условія конца XVIII и всего XIX столѣтія, когда безпечное и праздное „благородное сословіе“ все болѣе и болѣе теряло подъ собою почву, проживалось, и центръ тяжести постепенно, но вѣрно передвигался въ сторону промышленнаго капитала, и вы многое поймете въ процессѣ накопленія богатствъ въ рукахъ старообрядцевъ. Такимъ образомъ, уже въ началѣ XIX столѣтія многіе московскіе старообрядцы владѣли милліонными состояніями. Но старообрядцы умѣли не только накапливать капиталы, а что еще важнѣе — сохранять ихъ не растраченными въ своихъ родахъ, что мы можемъ наблюдать и до сихъ поръ въ средѣ московскаго старообрядческаго купечества. Старообрядцы еще въ концѣ XVIII, а главнымъ образомъ въ теченіе первой половины XIX столѣтія завели много фабрикъ и заводовъ, въ самой Москвѣ и губерніи, а особенно въ Богородскомъ уѣздѣ, въ такъ-называемыхъ Гуслицахъ, почти сплошь населенныхъ старообрядцами. Окрестные крестьяне становились рабочими на фабрикахъ, конторщиками, приказчиками и т. д., другіе работали на-дому для фабрикантовъ. Ткацкій станокъ сталъ принадлежностью чуть не каждаго дома, и землепашцы превратились въ мелкихъ промышленниковъ. Быстрымъ темпомъ шло развитіе московской промышленности, особенно хлопчатобумажной, богатыми и старообрядцы не по днямъ, а по часамъ. И мы видимъ въ Москвѣ нѣкоторыхъ изъ такихъ старообрядцевъ, представителей денежнаго капитала, дѣды которыхъ были крѣпостными крестьянами.

А въ то же время потомки родовитой дворянской знати старой Москвы прожигали дѣдовское добро и, легкомысленно презирая родную старину, спускали за безцѣнокъ родовые памятники семейной жизни предковъ, чтобы вырученныя деньги прокутить или свезти за границу. Палаты боярскихъ внуковъ и правнуковъ иногда превращались въ жилища купцовъ-старообрядцевъ или въ ихъ промышленныя и торговыя заведенія. Наконецъ самыя подмосковныя села нѣкоторыхъ бояръ и вельможъ XVIII столѣтія, въ родѣ Кунцова и друг., стали переходить въ руки старообрядцевъ. Но съ особенной охотой старообрядцы скупали у промотавшихся „недорослей“ старинныя книги и рукописи, старинную домашнюю утварь, а болѣе всего древнія родовыя иконы, когда-то стоявшія въ „крестовыхъ“ царскихъ приближен-

ныхъ, а затѣмъ, какъ ненужный хламъ, сваленныя въ кладовыя невѣжественными барамы, со временъ Петра I нахватавшимися верхушекъ западно-европейской „цивилизаци“, въ видѣ кое-какой ненужной мишуры и внѣшняго блеска, безъ внутренняго содержанія.

Я, конечно, далекъ отъ того, чтобы курить ѳиміамомъ предъ капиталистами, хотя бы и старообрядцами. Капитальъ вездѣ и всегда имѣетъ и свои большія тѣневыя стороны. Но сохраненіемъ драгоцѣнныхъ старыхъ книгъ, рукописей и иконъ, вообще памятниковъ старорусскаго искусства, мы обязаны почти всецѣло имъ. Скупая древнія святыни и сохраняя ихъ, какъ зѣницу ока, какъ безцѣнное наслѣдіе старины, предъ которою старообрядцы благоговѣютъ, они оказали неоцѣнимую услугу русской исторіи и археологіи. Безъ нихъ почти все погибло бы безслѣдно и безвозвратно.

Старообрядческое московское общество богатѣло и росло потому еще, что и многихъ провинціальныхъ старообрядцевъ, особенно торговцевъ и промышленниковъ, всегда тянуло къ Москвѣ: этому способствовали и характеръ ихъ занятій, и слава первопрестольнаго „царствующаго града“, гдѣ жили почитаемые старообрядчествомъ святители, отъ Петра митрополита до патріарха Іосифа, и гдѣ сохранилась такая масса завѣтныхъ памятниковъ русской старины. Ни застѣнки и дыбы Преображенскаго приказа, ни „Раскольническая Канцелярія“, просуществовавшая въ Москвѣ до 1763 года, ни штрафныя деньги на заставахъ за бороду, ни особая „указная“ одежда съ желтымъ козыремъ — не могли удержать старообрядцевъ, исконныхъ русскихъ людей, вѣрныхъ историческимъ преданіямъ своей отчизны, отъ стремленія къ „московскому житію“.

Все это я говорилъ къ тому, чтобы показать, при какихъ условіяхъ и на какой почвѣ могло создаться и развиваться такое большое и богатое старообрядческое учрежденіе, какъ Рогожское кладбище, накопившее и сохранившее для потомства такую массу драгоцѣнныхъ памятниковъ церковной старины и искусства. Когда обзрѣваешь учрежденія и святыни Рогожскаго кладбища, невольно преклоняешься предъ той энергіей, трудомъ, любовью къ старинѣ и усердіемъ къ мѣсту упокоенія своихъ близкихъ, которыя проявлены нашими предками—создателями кладбища.

Еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія московскіе старообрядцы, пріемлющіе священство, имѣли общественныя моленныя, устроенныя въ домахъ богатыхъ людей, а также

два особые кладбища: одно близъ Донского монастыря, другое за Тверскими воротами. На это указываетъ надпись на памятникѣ, поставленномъ на Рогожскомъ кладбищѣ, на такъ-называемой „моровой могилѣ“, въ которую хоронили чумныхъ. Эта надпись гласитъ: „Мѣсто сіе отведено для погребенія усопшихъ старовѣровъ въ лѣто отъ сотворенія міра 7279, вмѣсто таковыхъ, до сего бывшихъ двухъ кладбищъ, единаго у Донского монастыря, а другого за Тверскими воротами“. При каждомъ кладбищѣ находились часовни и жилыя помѣщенія для священниковъ, принимаемыхъ отъ господствующей церкви, а также уставщиковъ и дьячковъ. Но во время чумы 1771 года старообрядцамъ, пріемлющимъ священство, была отведена за Рогожской заставой часть земли, принадлежавшей деревнѣ Новоандронокѣ, населенной старообрядцами. Здѣсь и было устроено знаменитое впоследствии Рогожское кладбище.

На одномъ могильномъ памятникѣ Рогожскаго кладбища сохранилась надпись о погребеніи *перваго* чумнаго (Матвѣй Вас. Суминъ) 11 сентября 1771 года. Это показываетъ, что Рогожское кладбище открылось раньше Преображенскаго (безпоповскаго), такъ какъ приказъ правительствующаго сената объ отводѣ послѣдняго данъ лишь 15 сентября 1771 года^{*)}.

О правахъ старообрядцевъ на занимаемую Рогожскимъ кладбищемъ землю въ 1835 году производилось дѣло, находящееся въ архивѣ московскаго генераль-губернатора (3 декабря 1835 г., № 68—34). Попечители кладбища на запросъ о документахъ отвѣчали: „Во время моровой комиссіи (1771 г.), по распоряженію правительства, для устройства ихъ старообрядческаго кладбища отведено было мѣсто за Рогожской заставой; документъ же сей во время нашествія непріятеля въ 1812 году утраченъ, а журналъ онаго, полагать надобно, долженъ находиться при дѣлахъ оной комиссіи“. Попечители при этомъ представили два рескрипта императора Александра I, одинъ начальнику московской столицы графу Салтыкову, другой Вятскому губернатору, тайному совѣтнику Руничу, по представленію котораго даны оба рескрипта. Вотъ что гласятъ эти важные документы:

1) Графъ Иванъ Петровичъ! Узнавъ, что прихожанамъ новоустроенной церкви во имя Введенія Пресвятыя Богородицы, что за Салтыковымъ мостомъ^{**)}, отведено кладбище

*) «Сборникъ изъ исторіи старообрядчества», Н. Попова, 1—78.

**) Троицко-Введенская единовѣрческая церковь. *Авт.*

близъ старообрядческаго Рогожскаго противъ воли старообрядцевъ и съ отнятіемъ у казенныхъ крестьянъ деревни Новоандроновки хлѣбопашенной ихъ земли, я нахожу нужнымъ примѣтить, что земскій судъ, учинившій сей отводъ, неправильно поступилъ, не снесся въ ономъ съ духовнымъ правительствомъ, по распоряженію коего прихожанамъ введенскія церкви предоставлено было уже имѣть погребеніе мертвыхъ въ Покровскомъ монастырѣ или на мірскомъ кладбищѣ. Посему и поручаю вамъ, сходственно мнѣнію преосвященнаго митрополита Платона, основанному на взаимныхъ отношеніяхъ старообрядцевъ къ симъ введенскимъ старообрядцамъ и на устроеніи церковной тишины и спокойствія, землю, имъ отведенную отъ деревни Новоандроновки, возвратить въ прежнее ея владѣніе, а прихожанамъ симъ объявить, чтобъ они слѣдовали рѣшенію, данному на ихъ прошеніе отъ митрополита. Впрочемъ, пребываю къ вамъ благосклонный. *Александръ*. Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 17-го дня 1802 года. Сію копію засвидѣтельствовалъ тайный совѣтникъ, вятскій гражданскій губернаторъ Павелъ Руничъ.

2) Господинъ тайный совѣтникъ Руничъ! Внявъ представленію вашему о кладбищѣ, отведенномъ въ смежности съ старовѣрческимъ Рогожскимъ кладбищемъ, каковъ данъ мною указъ московскому военному губернатору, генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову, съ онаго для свѣдѣнія вашего прилагаю при семъ списокъ, пребывая въпрочемъ къ вамъ благосклонный. *Александръ*. С.-Петербургъ, апрѣля 17-го дня 1802 года.

Рогожское кладбище находится подлѣ Рязанскаго шоссе; благополучно оставшись нетронутымъ между очень близко идущихъ по сторонамъ его желѣзныхъ дорогъ, оно заключено какъ бы въ оградѣ рельсовъ. Оно занимаетъ площадь земли пространствомъ около 22 десятинъ и обнесено высокимъ деревяннымъ заборомъ съ двумя воротами: одни обращены къ городу, другіе къ Рязанскому шоссе. Въ этой оградѣ построены цѣлый городокъ, населеніе котораго въ бывшее время превышало населеніе нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ. Въ 1823 году жителей кладбища числилось 990 человекъ, а въ 1845 году число жителей достигло уже 1588 человекъ. Но сюда вошли лишь такъ-называемые „лицевые“, т.-е. показываемые въ ежегодныхъ вѣдомостяхъ, подаваемыхъ кладбищенской конторой московской полиціи. Кромѣ „лицевыхъ“ немало бывало и „не лицевыхъ“, т.-е. такихъ, о которыхъ по причинѣ стѣсненій неудобно было доносить

полиціи: стекавшихся изъ разныхъ мѣстъ Россіи иноковъ и инокинь, священниковъ и т. под., а также пріѣзжихъ за совершеніемъ требъ или друзей и родственниковъ постоянныхъ жителей кладбища.

При учрежденіи Рогожскаго кладбища въ 1771 году была выстроена небольшихъ размѣровъ деревянная часовня во имя св. Николы. Черезъ пять лѣтъ выстроена болѣе обширная каменная часовня. Но въ 1791 году вмѣсто нея начата была постройкой огромная „холодная“ часовня Покрова Пресвятыя Богородицы, едва ли не самая обширная изъ всѣхъ московскихъ церквей, за исключеніемъ развѣ такихъ, какъ храмъ Христа Спасителя. Дѣло о постройкѣ этой часовни настолько любопытно, что на немъ необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе.

Когда съ разрѣшенія тогдашняго московскаго главнокомандующаго кн. А. Прозоровскаго начали строить эту часовню, то изъ Петербурга гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ писалъ кн. Прозоровскому отъ 23 сентября 1792 г., что „здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) находящіеся раскольники подали прошеніе о дозволеніи имъ построить себѣ каменную часовню по примѣру, какъ строится у васъ въ Москвѣ. Я слышалъ, что о семъ къ вамъ писано, и спрашивается: какое дано имъ дозволеніе, отъ кого и когда?“

Дѣло въ томъ, что по поводу прошенія петербургскихъ старообрядцевъ составилъ записку митрополитъ новгородскій и петербургскій Гавріилъ, въ которой по исконному обычаю духовныхъ правителей господствующей церкви оклеветалъ старообрядцевъ и требовалъ не только не разрѣшать постройку часовни въ Петербургѣ, но уничтожить и начатую постройкой въ Москвѣ.

Вотъ этотъ крайне любопытный документъ:

„Записка Гавріила митрополита Новгородскаго и Петербургскаго по поводу прошенія раскольниковъ построить церковь, имѣть своихъ священниковъ и архіепископа и пр.

Старообрядцы петербургскіе подали мнѣ прошеніе, чтобъ имъ быть въ числѣ сыновъ православныя грекороссійскія церкви и отъ меня получать священниковъ равно, какъ въ Екатеринославской епархіи; притомъ пріобщили съ прошенія копію отъ старообрядцевъ Московскихъ, поданнаго главнокомандующему въ Москвѣ. Въ ней написано:

1) что они имѣютъ деревянный при кладбищѣ молитвенный храмъ;

2) что отъ дней Никона патріарха терпятъ они духовныхъ властей гоненія;

3) чтобъ дозволено строить имъ церкви для служенія литургіи по старопечатнымъ книгамъ, какъ и въ Екатеринославской епархіи, умалчивая, что сіе дозволеніе отнесено къ епархіальному архіерею и что они имѣютъ порокъ, что бѣглые попы у нихъ служатъ;

и просятъ:

1) чтобъ имъ построить церковь;

2) имѣть священниковъ приходящихъ къ нимъ;

3) чтобъ быть у нихъ архіепископу приходящему самопроизвольно, на такомъ положеніи, какъ они пребываютъ;

4) чтобъ онъ не былъ подъ вѣдомствомъ духовныхъ властей, отдѣлясь отъ нихъ, какъ въ городскомъ положеніи въ статьяхъ 124, 125 и 126 объ иностранныхъ предписано;

5) чтобъ имъ въ чиноположеніи ихъ быть вѣдомымъ по духовнымъ дѣламъ въ ихъ консисторіяхъ, не сообщаясь великороссійскимъ духовнымъ властямъ.

Сія просьба довольно изъясняетъ намѣреніе ихъ—стараятся начать свою церковь, отдѣляя отъ господствующей въ Россіи, и имѣть своего архіепископа и консисторіи.

Начали строить церковь, превышающую пространствомъ и огромностью Успенскій соборъ: онъ длиною 17, шириною 12, а ихъ церковь длиною 25, шириною 15 сажень,—чтобы огромностію сего храма унижать первую въ Россіи церковь въ мысляхъ простаго народа, а особливо въ преклонныхъ къ расколу усилить къ нимъ уваженіе.

Въ Москвѣ приверженныхъ къ расколу больше 20,000; многія епархіи, особливо Нижегородская, до того доходятъ, что церкви лишаются своихъ приходовъ. Ежели изъ губерній соберутся чиновначальники ихъ въ такой пространной церкви, въ которой до 3000 народа можетъ вмѣститься, когда они предполагаютъ быть у нихъ архіепископу и консисторіи, когда сія толпа фанатиковъ сдѣлаетъ соборы, каковыя уже и были, и положенія свои возвѣстятъ въ губерніяхъ, изъ которыхъ они придутъ въ Москву—сіи, не имѣющіе привязанности къ правительству, могутъ ли обнадѣжить безопасностію столицы?

Они просятъ, чтобъ ихъ почитать такъ удаленными отъ господствующей церкви, какъ удалены католики и лютеране: можно ль надѣяться, чтобъ ихъ фанатизмъ, распространяющійся по всей Россіи, почиталъ Государя правовѣрнымъ?

Великій Петръ, монархъ проницательнѣйшій, нареклъ ихъ лютыми непріятелями, государству и государю непрестанно зломыслящими.

Внимая симъ обстоятельствамъ, думаю:

1) чтобъ начатую ими церковь обратить на другія, предписанныя закономъ монархини для призрѣнія бѣдныхъ или для пользы общественной установленія;

2) дозволить имъ построить часовню, какая для погребенія усопшихъ на кладбищѣ потребна, безъ колокольни.

(Сія записка прислана отъ преосвященнаго митрополита Новгородскаго и Санктпетербургскаго ноября 9 дня 1792 г.)^{*)}.

Эта „записка“, разумѣется, не могла не повлечь за собою соотвѣтственныхъ „результатовъ“, и, какъ мы видѣли выше изъ письма гр. А. И. Мусина-Пушкина кн. Прозоровскому, послѣднему присланъ былъ Высочайшій запросъ-указъ, какое дано старовѣрамъ на постройку церкви дозволеніе, отъ кого и когда?

Запросъ, какъ можно судить по тону и содержанію объясненій кн. Прозоровскаго Екатеринѣ II, носилъ характеръ суроваго выговора.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Е. Макаровъ.

«Успѣхи» миссіи.

За послѣднее время, какъ видно изъ сообщеній газетъ, среди духовенства господствующей церкви, и главнымъ образомъ миссіонерствующей братіи, наблюдается усиленное движеніе. Съ легкой руки кievскаго миссіонерскаго съѣзда, начали собираться подобные съѣзды и въ другихъ мѣстахъ обширной Россіи. „Широкорукавая“ армія зашевелилась, зашумѣла. Что за причина, вызвавшая эти ополченія оо. и не оо. миссіонеровъ, спросить недоумѣвающий читатель. Причина есть и очень важная, отвѣтимъ мы.

Минувшіе пять лѣтъ религіозной свободы (хотя далеко не полной) освѣтили настоящимъ свѣтомъ „подвиги“ и „успѣхи“ миссіонерской проповѣди. Недавно опубликованы во всѣхъ почти газетахъ офиціально собранныя свѣдѣнія о количествѣ лицъ, перешедшихъ изъ... „православія“ въ инославныя исповѣданія. Сообщенія эти наглядно рисуютъ „труды“ русскаго миссіонерства за истекшее пятилѣтіе. Изъ сообщеній этихъ, какъ увидитъ читатель, утѣшительнаго для „православія“ очень и очень немного. Вотъ эти историческія цыфры: „Со времени изданія манифеста о свободѣ вѣроисповѣданій, по офиціальнымъ даннымъ, по 1-е іюля 1910 г. изъ православія перешло въ католицизмъ 233,000 человекъ, въ томъ числѣ 168,000 въ Царствѣ Польскомъ и 65,000 въ Западномъ краѣ. Въ это число включены и уніаты, принявшіе католичество. За тотъ же промежутокъ времени приняли люте-

^{*)} М. Г. А. М. И. Д. Дѣла о раскольникахъ, № 27.

стинъ свой разсказъ *), который да послужить добрымъ урокомъ молодому старообрядческому поколѣнію, которое не должно забывать, что страницы старообрядческой 250-лѣтней исторіи запечатлѣны страдальческою кровью!

Стар. свящ. І. Шадринъ.

Очеркъ исторіи Рогожскаго кладбища въ Москвѣ.

(Продолженіе).

Донесеніе московскаго главнокомандующаго кн. А. Прозоровскаго Екатеринѣ II съ объясненіями по вопросу о построеніи старообрядцами церкви на Рогожскомъ кладбищѣ настолько важно и интересно, что его необходимо привести полностью.

Вотъ этотъ документъ:

„Всемилоствѣйшая государыня! Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ отъ 17 сентября я получить удостоился, которымъ повелѣваете мнѣ, всемилоствѣйшая государыня, донести Вашему Величеству о строящейся здѣсь часовнѣ старообрядцевъ.

Здѣсь, Всемилоствѣйшая государыня, двѣ часовни. Одна въ Преображенскомъ называемой безпоповщины, которая въ самомъ камеръ-коллежскомъ валу близъ Преображенской заставы, для которой валъ сей заровнянъ, а окружена новымъ, чтобъ болѣе дать мѣста погосту; сія часовня каменная, представляетъ наружность церкви, около оной довольно каменнаго жилаго строенія, въ которомъ они содержатъ богадѣльню болѣе 1000 человекъ. А внѣ камеръ-коллежскаго валу въ нѣкоторомъ разстояніи ихъ кладбище и тамъ часовня вторая, о которой Ваше Императорское Величество спрашивать изволите, старообрядцевъ на принадлежащей Андроновской слободѣ землѣ, низменной и не весьма къ хлѣбопашеству способной, между большихъ дорогъ владимирской и коломенской, отъ заставы камеръ-коллежскаго валу въ трехъ верстахъ, гдѣ тожъ довольно деревяннаго жилаго строенія и богадѣльня, гдѣ бѣдные изъ единовѣрцевъ ихъ помѣщаются, и тутъ же садъ и кладбище ихъ. Я по вступленіи въ нынѣшнюю мою должность былъ на обѣихъ оныхъ

*) О. Августинъ, тогда 12-ти лѣтъ, еще и нынѣ здравствуетъ. Ему въ настоящее время уже около 80 лѣтъ. Если кто-либо усумнится въ правдивости разсказа, могутъ къ нему непосредственно обратиться по адресу: село Тайна, Покровской вол., Бійскаго уѣз., Томской губ. въ монастырь о. Августина на Тюрбекѣ. *Авт. тр.*

кладбищахъ, у старообрядцевъ по ихъ просьбѣ осмотрѣть одной часовни ветхость, а другой—неспособность. Я оныя подлинно нашелъ, что деревянная ветха, а въ каменной отъ сырости-ль, или отъ худаго построения даже что съ стѣнъ течетъ и такой тяжелый воздухъ, что въ оной и часу пребыть, казалось мнѣ, безъ вреда не можно. И сіи часовни имѣютъ наружность церквей одноглавныхъ. Они просили меня вмѣсто сихъ, ветхой деревянной и сырой каменной, позволить имъ построить одну каменную новую часовню, внизу бѣ была теплая, а въ верху холодная.

Итакъ, найдя оныя часовни съ немалымъ строеніемъ существующія и моленіе производится публичное, то и заключилъ я, что сіе Вашему Императорскому Величеству извѣстно и заведены оныя начально съ высочайшаго дозволенія. А какъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшимъ манифестомъ 762 года повелѣно раскольникамъ никакого притѣсненія не дѣлать, а затѣмъ и отъ 10-го апрѣля 790 г. полученный мною отъ Вашего Величества указъ по матеріи потаенныхъ и нелѣпыхъ зборищъ братства, исключая сіи собранія, запрещается полиціи въ оныя входить и дѣлать препятствіе въ молитвенныхъ собраніяхъ, а все сіе сообразя,—читалъ я возможнымъ мнѣ позволить вмѣсто ветхой и другой неспособной построить имъ новую часовню, зная жъ, что планъ вновь желаемой ими построить сочинялъ архитекторъ Козаковъ чрезъ посредство именитаго гражданина Никиты Павлова; но виновать я, Всемилоствѣйшая государыня, что онаго не посмотрѣлъ, надѣясь несумнѣнно, что архитекторъ Козаковъ сочинитъ оный пристойно съ ихъ положеніемъ. Они часовню сію заложили въ 791 г. Какъ я увѣдомленъ былъ отъ губернатора, что они заложили ее велику и съ выпусками для алтаря и намѣрены поставить пять главъ, я взялъ у нихъ планъ и нашелъ, что они заложили не по плану архитектора Козакова, а сняли сами планъ съ церкви, что въ Бутырской слободѣ. Я приказалъ какъ имъ, такъ и полицейскому архитектору Карину выпуски для алтаря отломать, величины убавить и здѣлать планъ съ одной главой и крестомъ; но о неубавкѣ оной величины они усиленно меня просили, поставляя основаніемъ, что имѣютъ они въ Москвѣ и около оной единовѣрцевъ до 20.000 душъ. Я планъ оный съ фасадой у сего всеподданѣйше Вашему Императорскому Величеству подношу; плана же архитектора Козакова я отыскать не могъ по причинѣ смерти Никиты Павлова, у коего оный былъ, но внукъ его не нашелъ и Козаковъ чер-

наго у себя не оставилъ. Они же симъ лѣтомъ довели часовню до карниза и представляетъ теперь видъ дому. Если Ваше Величество повелите унизить шпигъ, то я оной совсѣмъ прикажу убавить.

Нынѣ, получа высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, за долгъ почелъ для всеподданѣйшаго Вашему Величеству донесенія выправиться съ законами о построеніи часовень, какъ я прежде не остерехся о семъ выправиться. И, начиная съ древнихъ законовъ, получилъ свѣдѣніе, что въ 1718 году, когда по указу государя Петра Перваго была перепись раскольниковъ, отведено имъ за Серпуховскими воротами одно кладбище, не различая разныхъ между ими вѣръ, безпоповщины и старообрядцевъ; а въ 771 г., когда Покровской церкви, что въ красномъ селѣ, священники жаловались, что раскольники умирающихъ морвою язвою, привозя къ церкви, оставляютъ, то по указу Правительствующаго Сената приказано имъ погребать своихъ мертвецовъ на отведенныхъ въ полѣ кладбищахъ, а буде тамъ мѣста для нихъ недостаточно, то отвести имъ пристойное мѣсто въ полѣ Московской губернской канцеляріи. Въ сіе то время и отведены имъ мѣста для кладбищъ, гдѣ нынѣ и вышеупомянутыя часовни. Я читалъ учрежденіе охранительной комиссіи, и въ росписаніи о всѣхъ вообще кладбищахъ видны по пріурочкѣ и оныя кладбища; но тогда при назначеніи кладбищъ не различено вѣръ. Но о часовняхъ я ничего не нашелъ, кромѣ, что въ 722 г. повелѣно всѣ часовни, не говоря раскольничьи, но вообще, упразднить; а въ 727 году повелѣно—которыя до того времени не разобраны, тѣ оставить, а и прочіе, о коихъ будутъ просьбы, строить позволять, рассматривая архіереямъ, чтобы не было правильнаго препятствія и раскольниковъ способу. Наконецъ, въ 734-мъ г. именнымъ указомъ императрицы Анны Іоанновны запрещено впредь часовни строить, а старыя, гдѣ имѣются, тѣ оставить въ прежнемъ состояніи. Но и въ семъ указѣ о раскольникахъ ничего не упоминается, что меня понудило, всемилостивѣйшая государыня, переговорить о семъ съ Петромъ Дмитріевичемъ Еропкинымъ, какъ онъ главный членъ былъ охранительной комиссіи, сказавъ ему, что имѣю я отъ Вашего Величества высочайшее повелѣніе безъ огласки о семъ свѣдать: то онъ мнѣ сказалъ, какъ и по дѣламъ видно, Покровской церкви священники, а онъ сказалъ, что и многіе просили о томъ же священники селѣ, близъ Москвы лежащихъ, что раскольники умершихъ язвой при-

возили къ церквамъ и тамъ ихъ оставляли, для чего-де и опредѣлено было къ главнымъ или управляющимъ раскольниками разныхъ сектъ надъ симъ смотрѣніе и даны имъ были доктора. И хотя-де время прошло давнее, но помнится ему, что князь Григорій Григорьевичъ Орловъ позволилъ имъ сдѣлать часовни, гдѣ бѣ они могли отпѣвать умершихъ; и онъ сказалъ, что я о семъ могу и Вашему Императорскому Величеству донести. Да еще видно по дѣламъ въ губернскомъ правленіи, что когда безпоповщина поставила главу и крестъ на часовнѣ, то во время главнокомандованія графа Чернышева нынѣшній московскій митрополитъ требовалъ отъ губернскаго правленія: для чего оное быть могло? То правленіе, ссылаясь на всемилостивѣйшій Вашего Императорскаго Величества вышеупомянутый 762 г. манифестъ, отозвалось, что въ отмѣну онаго войтить не можетъ. Сихъ свѣдѣній собраніе умедлѣло всеподданнѣйшее мое о семъ донесеніе Вашему Императорскому Величеству.

Что я, не справясь съ законами, а здѣлавъ только заключеніе на видимомъ, далъ на то позволеніе, то заключеніе мое, что рѣшить сіе могу, наипаче подкрѣпилъ высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, о которомъ я выше упомянулъ, чтобъ старообрядцамъ не наносить никакого препятствія въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ, какъ непозволеніе строить часовню считалъ я будетъ въ ихъ молитвахъ препятствіе, признаю однакоже себя, Всемило- стивѣйшая государыня, виновнымъ, что не доложасъ Вашему Величеству оное позволилъ. Итакъ, павъ предъ стопы Вашего Императорскаго Величества всеподаннѣйше просить милосерднаго прощенія,

Всемило- стивѣйшая государыня,
Вашего Императорскаго Величества
всепо- даннѣйшій
князь А. Прозоровскій *).

Октября 25 дня, 1792 г.
Москва.

Этотъ интересный документъ многое намъ объясняетъ въ архитектурѣ лѣтняго Покровскаго храма на Рогожскомъ кладбищѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, при первомъ же взглядѣ на этотъ храмъ каждому рѣзко бросается въ глаза большое несоотвѣтствіе частей храма, и думается: неужели, если были средства и

*) (М. Г. А. М. И. Д. Дѣла о раскольникахъ, № 26. Кн. Е. В. Барсѣва. Новые матеріалы для исторіи старообрядства XVII—XVIII вѣковъ, Москва, 1890 г.

возможность построить такой громадный храмъ, нельзя было выбрать планъ болѣе стильный и красивый? Гладкій и простой фасадъ, глава, словно придавленная и подходящая скорѣе для храма въ пять разъ меньшаго, чѣмъ тотъ, надъ которымъ она высится, и т. под.

А между тѣмъ, донесеніемъ кн. Прозоровскаго все объясняется просто: перепуганный главнокомандующій приказалъ „выпуски для алтаря отломать“, вмѣсто „пяти главъ“ „здѣлать планъ съ одной главой и крестомъ“, „унизить“ и „убавить“ шпигъ, и получились тѣ недостатки въ архитектурѣ храма, которые такъ сильно бьютъ въ глаза.

Менѣе тормазовъ претерпѣла постройка третьей зимней часовни, нынѣ храмъ Рождества Христова. Этотъ обширный каменный храмъ, построенный по плану архитектора Жукова, находится въ небольшомъ разстояніи на югъ отъ лѣтняго Покровскаго храма. Построенъ онъ въ 1804 году съ разрѣшенія начальника московской столицы Беклешова. Билетъ, выданный московскою управой благочинія попечителю Рогожскаго кладбища купцу Ильѣ Фокину Шевякову (21 декабря 1804 г., № 1070) на постройку каменной зимней часовни, длиною на 22 сажени, а шириной 11 сажень, и жилого строенія подъ богадѣльню, на 22 сажени длиною и 10 аршинъ шириною,—находится въ „дѣлѣ о правахъ Рогожскаго старообрядческаго богадѣленнаго дома пріобрѣтать въ собственность движимое и недвижимое имущество и о духовномъ завѣщаніи Вошанкина“, въ архивѣ московскаго генераль-губернатора (3 декабря 1834 г., № 45).

Внутри Рождественскаго храма на одной изъ стѣнъ сохранилась надпись о томъ, что въ 1812 году, при опустошеніи столицы французами, по особому Божію къ мѣсту сему покровительству, рогожскія часовни не пострадали и ничего не потеряли изъ своихъ запасовъ и сокровищъ.

Въ Рождественской часовнѣ собирались многіе старообрядческіе „соборы“, въ которыхъ участвовали и московскіе старообрядцы и представители старообрядцевъ другихъ мѣстъ Россіи, и на которыхъ рѣшались вопросы, касающіеся всего старообрядчества.

Всѣ часовни, а особенно Покровская лѣтняя, украшались тщательно и усердно въ продолженіе десятковъ лѣтъ. И едва ли найдется въ Россіи много храмовъ, которые могли бы сравняться съ Рогожскими по богатству и великолѣпію украшеній; думается, нигдѣ не собрано столько безцѣнныхъ сокровищъ: древнія иконы превосходныхъ

писемъ—новгородскія, даже кисти самого знаменитаго Андрея Рублева, греческія, строгоновскія и друг., въ богатыхъ серебряныхъ вызолоченыхъ ризахъ, съ драгоценными камнями, жемчугомъ и т. под.; великолѣпные золоченые иконостасы, массивныя паникадила и подсвѣчники съ пудовыми свѣчами, цѣнныя плащаницы и богатая утварь,—все говоритъ о всегдашней привязанности, усердіи и любви прихожанъ къ кладбищу.

Съ самаго начала рогожскіе храмы были устроены съ алтарями и подобіемъ престоловъ, но литургія въ храмахъ не совершалась изъ боязни притѣсненій, хотя еще въ 1789 г. московскіе старообрядцы добыли на Иргизѣ походную полотняную „церковь“ съ антиминсомъ древняго освященія. Лишь изрѣдка на этомъ антиминсѣ литургію рѣшались совершать тайно, съ большими предосторожностями, главнымъ образомъ для освященія запасныхъ даровъ. Въ храмахъ служились вечерни, утрени, всенощныя, часы, а также совершались вѣнчанія свадебъ, крещеніе, исповѣдь, причащеніе, отпѣваніе усопшихъ, панихиды, молебны и проч.

Вѣнчаній прежде совершалось на кладбищѣ необычайно много, такъ какъ при тогдашней „скудости священства“ на Рогожское кладбище пріѣзжали вѣнчаться не только со всей Москвы и губерніи, но и изъ другихъ губерній, даже съ окраинъ Россіи. Когда священниковъ на кладбищѣ было много, свадьбы вѣнчали одну за другою, а когда осталось только два священника, по необходимости приходилось вѣнчать каждому по нѣсколько паръ брачующихся, иногда сразу до 15 паръ, „луськомъ“, какъ говорилось. Для этого устроено было двадцать паръ одинаковыхъ бронзовыхъ вѣнцовъ, хранившихся въ Рождественской часовнѣ *).

Для вѣнчанія богатыхъ свадебъ были вѣнцы серебряные, вызолоченые, съ брильянтами, жемчугомъ, драгоценными камнями. На рогожскомъ „соборѣ“ 16 февраля 1823 г. относительно вѣнчанія свадебъ, между прочимъ, было постановлено: „Браковъ на всѣ вселенскія субботы не вѣнчать“. Въ другомъ „постановленіи о церковномъ благочиніи“ говорится: „Чинъ второго брака неупустительно стараться исполнять **).

Исповѣдь священниками своихъ духовныхъ дѣтей производилась обыкновенно въ часовняхъ, а иногда и у себя на дому. Для записей исповѣдниковъ заведены были въ конторѣ

*) „Опись вещей на Рогожскомъ кладбищѣ“, составленная въ 1854 г. въ „Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ“ 1854 г., № 79.

**) А. М. В. Д. „Дѣло департ. общ. дѣлъ“ 7 мая 1853 г., № 519.

особыя книги. О количествѣ говѣвшихъ въ то время можно судить по такой книгѣ за 1841 годъ. Изъ четырехъ священниковъ, у старшаго—Іоанна Матвѣевича Ястребова значится исповѣдниковъ обоого пола 922 человекъ, у Александра Ивановича Арсеньева 1440, у Петра Ермиловича Русанова 331, у Іоанна Максимова 335, а всего 3028 человекъ. Но нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что огромное большинство прихожанъ не записывалось въ эти „метрическія“ книги, по исконной боязни и подозрѣнію старообрядцевъ ко всякой „запискѣ“, какъ дѣлу грѣховному, установленному не церковью, а гражданской властью. Что это такъ, видно изъ сличенія названной исповѣдной книги съ именнымъ спискомъ жителей кладбища, изъ которыхъ лишь нѣсколько десятковъ записаны бывшими на исповѣди.

Причащали запасными дарами послѣ часовъ, въ часовняхъ. Обыкновенно четверо священниковъ съ потирами въ рукахъ выходили изъ алтаря въ фелоняхъ и становились двое по клиросамъ и двое у сѣверныхъ и южныхъ дверей алтаря, и причащали каждый своихъ духовныхъ дѣтей.

Крещеніе младенцевъ производилось обязательно въ часовняхъ. О числѣ крещеній можно судить изъ того, что въ Рождественской часовнѣ находилось 46 купелей.

Покойниковъ отпѣвали обыкновенно въ Никольской часовнѣ. Въ ней же исполнялись и „заочныя“ погребенія.

Сначала вслѣдствіе „скудости священства“, а потомъ и совершеннаго его прекращенія въ провинціи, старообрядцы стали хоронить покойниковъ, отпѣвъ надъ гробомъ только панихиду, а потомъ уже по почтѣ или съ кѣмъ-либо лично посылали на Рогожское кладбище деньги съ просьбою тому или другому священнику отпѣть „заочное“ погребеніе.

Въ большіе праздники, въ царскіе дни и „викторные“ (дни воспоминанія побѣдъ) обязательно служились „молебны соборные“, т.-е. всѣми безъ исключенія священниками и клиромъ кладбища, зимою въ Рождественской, а лѣтомъ въ Покровской часовнѣ *).

Крестные ходы 6 января, на Преполовленіе Пасхи и 1 августа на „Іордань“, а также вокругъ часовенъ въ утреню Страстной субботы и Пасхи и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ совершались необычайно торжественно,—конечно, пока былъ большой запасъ священниковъ, т.-е. до суровыхъ временъ казарменнаго режима Николая I. Путь усти-

*) Ibid.

лаемъ былъ зеленымъ сукномъ и коврами. Впереди шли съ хоругвями избранные носильщики, всѣ въ кафтанахъ стараго покроя, за ними слѣдовали такіе же избранные прихожане съ иконами, потомъ священники въ дорогихъ ризахъ, и все это чинно, въ строгомъ порядкѣ. Зрѣлище, до глубины души умилавшее истаго старообрядца! *)

Но при всемъ этомъ долгъ безпристрастія и исторической правды требуетъ отмѣтить, что на Рогожскомъ кладбищѣ бывали и „разные упущенія и безпорядки, несообразныя съ правилами свв. отецъ“, вызывавшіе сильный ропотъ и неудовольствіе прихожанъ, и что „мзда заслѣпляла тамошнихъ священниковъ“, принимавшихся отъ господствующей церкви, не всегда искреннихъ, честныхъ и благочестивыхъ, чаще же съ дѣтства, съ бурсацкой скамьи испорченныхъ до мозга костей.

Чтобы не показаться голословнымъ, привожу здѣсь нѣсколько статей „Постановленія о благочиніи церковномъ“ Рогожскаго „собора“ 1823 года, которое было повѣшено въ Рождественской часовнѣ за подписью священниковъ, дьяконовъ и попечителей: Павла Дунякова, Ларіона Абрамова, Ивана Окорокова, Трифона Лубкова, Давыда Щекина, Θεодора Бокова, Николая Царскаго, при чемъ о. Петръ Ермиловичъ Русановъ къ своей подписи добавилъ такіа слова: „Обязуюсь исполнить по вышеписанному“.

Вотъ что гласятъ нѣкоторыя статьи этого документа, нынѣ находящагося въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ **).

„Статья 2. Священники и служащіе при нихъ ни подъ какимъ видомъ не дерзали бы на паперти и въ молитвенномъ храмѣ требы перехватывать и тѣмъ нарушать благочиніе церковное. Имѣющій нужду самъ можетъ о томъ просить, когда должно.

Статья 3. Изъ соборныхъ панихидъ, погребеній, молебновъ и требъ, не окончивши одно, за другіе не переходитъ, кромѣ смертнаго случая, такъ и дьяконамъ къ священникамъ безъ нужнаго случая во время служенія не подходитъ и отъ одного къ другому, не окончивши требу, не переходитъ.

Статья 5. Священники, безъ нужнаго случая, а паче въ священныхъ ризахъ, отъ службы Божіей и требы, какой ни есть, не выходили бы внѣ молитвеннаго храма.

Статья 6. Священникамъ молебны болѣе шести каноновъ

*) „Записки В. А. Сапѣлкина“ „Рус. Вѣстникъ“ 1864 г., № 11, стр. 190—191.

**) „Дѣло департам. общ. дѣлъ“ 7 мая 1853 г., № 519.

не начинать, ибо сіе невмѣстимо, а болѣе по усердію просителей оставлять на другой разъ, дабы молитва могла быть со вниманіемъ, а не дерзостью.

Статья 7. Двѣ требы вдругъ не править...

Статья 9. Священникамъ особенно имѣть во вниманіи, дабы требующіе ихъ по бѣдности и по неимѣнію дерзновенія къ нимъ не презримы были, но наипаче сильныхъ и богатыхъ покровительствуемы, по словеси Спасителя міра: „Не презрите единого отъ малыхъ сихъ, ибо ангели ихъ выну видятъ лице Отца Моего, иже есть на небесѣхъ...“

Если же кто, забывъ страхъ Божій и свое священно-начальническое званіе, вышеописанное оставить въ неисполненіи или пренебреженіи, такового 10 статьею наказывать судомъ духовнымъ“.

На воздухъ, безъ причины, такихъ постановленій, конечно, не дѣлаютъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Е. Макаровъ.

Соловецкій монастырь и старообрядчество.

Въ настоящемъ очеркѣ я попытаюсь пересмотрѣть данныя о Соловецкомъ мятежѣ 1656—1676 гг. и выяснить значеніе его въ исторіи старообрядчества.

Долгое время господствовало мнѣніе, что единственная причина старообрядчества—это невѣжество его послѣдователей. Но работы такихъ изслѣдователей, какъ Пругавинъ ¹⁾ съ одной стороны, а главное дѣятельность старообрядцевъ за послѣдніе пять лѣтъ доказываютъ противное. Въ нашемъ сознаніи не остается мѣста привычному представленію о старообрядствѣ, какъ о символѣ косности и неподвижности. Школы, курсы, журналы, изданія памятниковъ древней письменности, организація общинъ, союзовъ и сѣтздовъ—вотъ чѣмъ ознаменовалось время послѣ 17-го апрѣля 1905 года. Сразу нашлись и люди, и средства. Все это заставляетъ еще разъ спросить себя: почему же произошелъ расколъ въ русской церкви? Отчего послѣдовавшее въ началѣ XIX в. разрѣшеніе служить по старымъ книгамъ не смогло примирить старообрядцевъ съ господствующей церковью ²⁾. И

¹⁾ А. С. Пругавинъ. Расколъ и сектантство въ рус. народ. жиз.

²⁾ Какъ распространялось единовѣріе, можно судить на основаніи очерка М. С.—каго, гдѣ мы читаемъ: «при такомъ ходѣ дѣлъ, при такой помощи со стороны начальства, которое дѣйствовало къ утвержденію единовѣрія то путемъ миссіи, то денежнымъ вспоможеніемъ при постройкѣ единовѣрческихъ церквей, то уничтоженіемъ многихъ раскольничьихъ зданій, поддерживающихъ расколъ и проч., естественно все слѣдовало ожидать, что единовѣріе, которое мы встрѣчали почти во всѣхъ посадахъ и слободахъ Черниговскихъ, должно оказать впослѣдствіи значительные успѣхи, судя по его началу. Но, къ сожалѣнію, во имя исторической истины, намъ приходится сказать противное» (стр. 69).

Очеркъ исторіи Рогожскаго кладбища въ Москвѣ.

(Продолженіе).

О томъ, что иногда творилось на Рогожскомъ кладбищѣ до водворенія на немъ бѣлокриницкаго священства, любопытныя свѣдѣнія даютъ „Келейные совѣты, письменно предложенные господину епископу Онуфрію отъ Семена Семенова и Ивана Захарова“, извѣстныхъ начетчиковъ того времени и знатоковъ устава и обычаевъ, при чемъ первый былъ дьякъ „духовнаго совѣта“, второй — письмоводитель Антонія архіепископа Владимірскаго, оба люди вліятельные на Рогожскомъ кладбищѣ. Эти „келейные совѣты“ поданы были въ 1861 г. по слѣдующему случаю: конецъ 50-хъ и 60-ые годы XIX столѣтія были временемъ большихъ смутъ среди московскихъ старообрядцевъ-поповцевъ, почти поголовно принявшихъ бѣлокриницкое священство, во главѣ съ Рогожскимъ кладбищемъ. Смуты эти произошли изъ-за борьбы нѣкоторыхъ епископовъ за московскую кафедру и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ. 25 августа 1861 года московскимъ соборомъ былъ избранъ въ архіепископы на Москву Аѳанасій епископъ Саратовскій, бывшій экономя Верхне-Преображенскаго монастыря на Иргизѣ, возведенный еп. Софроніемъ въ архимандриты, а въ 1855 году рукоположенный въ епископы на Саратовъ архіепископомъ Антоніемъ Владимірскимъ. Но еп. Аѳанасій подалъ собору заявленіе о томъ, что онъ только тогда согласенъ занять московскій престолъ, если будетъ искоренено брандобритіе, и уставы и чиноположенія будутъ исполняемы такъ же, какъ исполнялись они на Вѣткѣ, въ иргизскихъ монастыряхъ и на Рогожскомъ кладбищѣ *). Епископы составили тогда „Соборное разсужденіе о мѣстныхъ обычаяхъ“ 30 сентября 1861 года. Условія еп. Аѳанасія московскимъ старообрядцамъ не понравились и приняты, очевидно, не были. Неурядица продолжалась. Наконецъ прибыли 9 декабря 1861 года послы на соборъ отъ митрополита Кирилла, посланные изъ Бѣлой Криницы положить конецъ этому дѣлу: намѣстникъ митрополита еп. Онуфрій (скоро потомъ ушедшій въ „единовѣріе“), священноинокъ Евфросинъ и инокъ Алимпій. Имъ-то и поданы были вышеназванные „келейные совѣты“.

Вотъ что гласить, между прочимъ, этотъ интересный документъ:

*) Напечатано въ „Чтен. въ Императ. Москов. Общ. Ист. и Древностей Росс.“, 1865 г., кн. 3, стр. 239—243.

„Совѣтъ 5-й. Богопротивное исповѣданіе епископа Аѳанасія, значущееся въ его прошеніи, никакъ не принимать. Онъ написалъ, что было на кладбищѣ до архіепископа Антонія, все то свято, что и подтвердилъ словами: „такъ вѣрую и исповѣдую“. Но на кладбищѣ до архіепископа Антонія было вотъ что: а) Всѣ кладбищенскіе попы правительству были обязаны подпискою отъ ереси приходящихъ *) не принимать. б) Нашимъ православнымъ христіанамъ, не принадлежащимъ по жительству къ Московской губерніи, никакихъ требъ не исправлять. в) За крещеніе младенцевъ установлена была такса, 1 руб. 25 коп. сер. за крещеніе, для чего въ конторѣ содержали нарочнаго писаря, который и собиралъ за крестины деньги. г) Такъ же и епископъ Сафроній **), въ бытность его на кладбищѣ съ епископомъ Аѳанасіемъ, бывшимъ того архимандритомъ и экономомъ, установили таксу: съ московскихъ поповъ половину, а съ деревенскихъ третью часть дохода брать епископу, а который попъ хотя мало что утаилъ, такового подвергали части Ананіи и Сапфиры. Именно въ такомъ родѣ была написана бумага, и всѣ попы были вынуждены къ ней подписаться. Это есть сущая симонія. д) Въ крещеніи младенцевъ постригали въ 12 лицъ, еже есть въ четыре Троицы, что прямо противно не только изложенному о семъ предметѣ преданію въ „Потребникахъ“, но противъ и 49 правила святыхъ апостолъ, о чемъ зри въ „Стоглавъ“ глава 17. А въ древлеписменныхъ „Кормчихъ“ и въ „Посланіи Фотія митрополита въ Псковъ“ такое приглашеніе названо многобожіемъ. е) Въ причастіе святыхъ таинъ теплоты никогда не вливали, но всегда причащали съ холодною водою, такожде и сіе противно святыхъ отецъ преданію. ж) Во всѣхъ древнихъ „Уставахъ“, въ „Служебныхъ Минеяхъ“ и „Октяхъ“, въ „Служебникахъ“ на возгласѣ: „Слава святѣй“ положено кадить, а на кладбищѣ вмѣсто кажденія благословляли рукой. То же дѣлали на „Свѣте тихій“, что прямо противно всѣмъ древлепечатнымъ книгамъ и уставамъ. з) Браки вѣнчали вдругъ по пятнадцати. Одну свадьбу, которая позначительнѣе, около аналоя ведетъ попъ, а прочія всѣ за нимъ сами идутъ. Такожде и сіе не только не согласно, но противно церковному преданію. и) Кладбищенскіе попы въ послѣднее

*) Т.-е. „православныхъ“. Авт.

**) Первый старообрядческій епископъ, поставленный бѣлокриницкимъ митрополитомъ для Россіи съ наименованіемъ Симбирскаго, 4 января 1849 г., потомъ за симонію запрещенный и изверженный и содѣйствовавшій раздору изъ-за „окружнаго посланія“ 1862 г. Авт.

время еще ввели-было лютеранскую исповѣдь, а именно по 200, а иногда и по 300 человекъ исповѣдывали вмѣстѣ и, прочитавъ только однѣ молитвы и поновленіе безъ исповѣди, причащали всѣхъ безъ разбору. Итакъ, спрашивается, можно ли все это почитать святымъ и богоугоднымъ и, какъ написалъ въ прошеніи своемъ епископъ Аѳанасій, тако вѣровать и исповѣдывать? Да не будетъ намъ сего никогда же на умъ пріяти“.

Приведенные документы показываютъ, что дѣйствительно на кладбищѣ, въ періодъ его расцвѣта послѣ отечественной войны 1812 года, появились беспорядки, и „добрые старые обычаи поисшаталися“. То же самое можно сказать и про другіе тогдашніе центры старообрядчества: Иргизскіе монастыри, Керженскіе скиты и друг. И вотъ интересно, что во всѣхъ сказаніяхъ, духовныхъ стихахъ и воспоминаніяхъ старожиловъ всѣ несчастія и злоключенія, въ частности гоненія на старую вѣру при Николаѣ I: отобраніе иргизскихъ и разореніе керженскихъ обителей, уничтоженіе прежняго священства, а потомъ и запечатаніе алтарей въ храмахъ Рогожскаго кладбища—объясняются именно наказаніемъ Божиимъ за грѣхи, за упадокъ добрыхъ нравовъ, благочестія и вѣры, за зло и неправды.

Для совершенія богослуженія и исполненія требъ на Рогожскомъ кладбищѣ всегда содержалось большое количество священниковъ, принимаемыхъ „вторымъ чиномъ“, т.-е. чрезъ муропомазаніе съ проклятіемъ ересей, отъ господствующей церкви. Въ 1822 году были изданы верховной властью извѣстныя ограничительныя правила насчетъ принятія вновь священниковъ: вновь не принимать. Попечители кладбища заявили правительству, что у нихъ находится 12 священниковъ и 4 дьякона. До 1827 года изъ нихъ пять священниковъ и два дьякона умерли, а два священника ушли обратно въ господствующую церковь, такъ что ко времени изданія Высочайшаго указа 1827 г., совсѣмъ воспрещавшаго принимать вновь поповъ и дьяконовъ, на кладбищѣ осталось только пять священниковъ и два дьякона. Въ перспективѣ виднѣлось полное прекращеніе священства и всѣ отсюда проистекающія бѣдствія для вѣрующаго человека. И хотя послѣдніе изъ „указныхъ“ поповъ дожили до 1854 г., но, естественно, не могли уже удовлетворять всѣхъ духовныхъ потребностей массы прихожанъ и пріѣзжихъ изъ другихъ мѣстъ, гдѣ тоже наступило полное „оскудѣніе священства“. Приходилось содержать, конечно, съ большимъ рискомъ, тайныхъ поповъ;

но понятно, что „тайные“ попы тѣмъ менѣе могли исполнять требы для народной массы. Они жили секретно въ домахъ богатыхъ людей, какъ болѣе гарантированныхъ отъ придирчивости и насилія со стороны агентовъ власти, а также у содержателей постоялыхъ дворовъ—„ямщиковъ“, которые въ то время получили большое значеніе въ старообрядчествѣ, такъ какъ развозили тайныхъ поповъ по разнымъ мѣстамъ для исполненія требъ: привезутъ обыкновенно священника ночью, онъ тутъ же исправляетъ всѣ необходимѣйшія требы, и тутъ же его увозятъ „невѣдомо куда“, такъ что въ простомъ народѣ создался даже особый терминъ для такихъ священниковъ—„проѣзжающіе“. Эти тайные священники иногда бывали и на Рогожскомъ кладбищѣ, укрываясь въ обителяхъ инокинь Пульхеріи и Александры или въ особыхъ тайникахъ. Изъ такихъ тайныхъ священниковъ, одно время, около 1826 года, проживалъ на кладбищѣ принятый отъ греческой церкви архимандритъ Геронтій съ Аѳонской горы. Въ сороковыхъ же годахъ изъ таковыхъ были извѣстны священноинокъ Иларій и священникъ Теодоръ Соловьевъ.

Но при „оскудѣніи священства“ появились по необходимости еще такъ - называемые „благословленные“ старцы, большей частью иноки или же „черноризцы“, т.-е. давшіе иноческіе обѣты и добровольно надѣвшіе сами на себя иноческую одежду, безъ постриженія, если не могли найти для постриженія священноинюка (іеромонаха). Они обыкновенно съѣзжались въ Москву къ великому посту со всѣхъ концовъ Россіи: изъ Стародубскихъ слободъ, съ Вѣтки изъ монастырей Лаврентьева, Макарьева и Пахомьева, съ Керженца, изъ Городца, съ Кавказа и Сибири, съ Урала, съ Дона, съ Иргиза, пока существовали тамъ старообрядческіе монастыри, съ Поволжья и другихъ мѣстъ. Эти чернецы и старцы проживали обыкновенно при домовыхъ моленныхъ богатыхъ старообрядцевъ, въ теченіе поста говѣли, исповѣдывались и причащались, помогали священникамъ при исполненіи требъ, а затѣмъ, отпраздновавъ Пасху, уѣзжали каждый въ свое мѣсто, а нѣкоторые пускались въ „странствіе“, т.-е. разѣзжали или ходили по разнымъ мѣстамъ Россіи, гдѣ есть старообрядцы, чтобы поддерживать и вдохновлять колеблющихся и унывающихъ подъ тяжестью гоненій и „оскудѣнія іерейства“, вселяя въ нихъ вѣру и надежду на лучшія времена, а также поддерживать связи съ центрами. Они же обыкновенно увозили съ собою изъ Мо-

сквы запасные дары, или же такъ наз. „большую“ (богоявленскую) воду, которыми „по нуждѣ“ и причащали, а также принимали „исповѣданія согрѣшеній“, для чего существовалъ даже особый упрощенный чинъ „скитскаго покаянія“; они же по нуждѣ крестили, какъ говорилось тогда—„погружали“, обязывая при первой возможности „довершать крещеніе“ и исповѣдь у священника. Они же руководили „простецкимъ“ богослуженіемъ. На все это они получали благословеніе у священниковъ, откуда названіе „благословленные“. Браки за отсутствіемъ священниковъ сводились обыкновенно „по благословенію родителей“, и рѣдкіе имѣли возможность лишь потомъ, имѣя уже дѣтей, а часто и внуковъ,—въ старости, чуть не передъ смертью, „улучить священника“ для церковнаго вѣнчанія. А многіе и совсѣмъ не могли этого сдѣлать. Насколько сильна была вѣра у нашихъ предковъ, видно изъ того, что многіе, лишь бы исповѣдаться и причаститься у священника, ходили для этого пѣшкомъ за тысячи верстъ.

Я уже упоминалъ, что такъ какъ за отсутствіемъ епископовъ некому было освятить престолы Рогожскихъ часовенъ, то литургіи совершались въ нихъ въ походныхъ полотняныхъ церквахъ древняго освященія. Еще въ 1789 году для кладбища была добыта въ Иргизскихъ монастыряхъ одна такая церковь; съ того времени на кладбищѣ и начали совершать изрѣдка литургію, главнымъ образомъ для освященія запасныхъ даровъ. Разумѣется, дѣлалось это въ большой тайнѣ, дабы не навлечь гнѣва властей. Но по окончаніи войны съ французами судьба улыбнулась рогожскимъ старообрядцамъ. Въ 1813 году Москва занята была казаками, среди которыхъ всегда была масса старообрядцевъ. Войсковой атаманъ графъ Платовъ тоже былъ старообрядецъ. Съ духовными нуждами и за исправленіемъ требъ казаки обращались къ Рогожскимъ священникамъ. Какъ бы въ благодарность за это графъ Платовъ, оставляя столицу, подарилъ кладбищу, по просьбѣ священника о. Іоанна Ястребова, древнюю походную церковь, освященную въ честь Пресвятой Троицы. Старообрядцы обратились къ тогдашнему начальнику московской столицы за разрѣшеніемъ служить въ этой церкви литургіи, и имъ таковое было дано *). Кромѣ этихъ двухъ походныхъ церквей, таковыя имѣлись еще въ обителяхъ матерей Пульхеріи и Александры, а съ тридцатыхъ годовъ XIX

*) „Дѣло департам. общ. дѣлъ мин. внутр. дѣлъ“, 1823 г., № 10.

столѣтія еще и у священника Иларія, во имя Симеона Столпника *).

Съ 1822 года повѣяло другимъ духомъ въ отношеніяхъ властей къ кладбищу, опять-таки по доносамъ и подъ вліяніемъ правящихъ круговъ господствующей церкви, недовольныхъ „уклоненіемъ православныхъ въ поповщину“, главнымъ образомъ посредствомъ заключенія браковъ.

13 и 14 января 1823 года въ Рождественской часовнѣ была разставлена новая походная церковь, въ которой служили литургію соборне всѣ кладбищенскіе священники. Молящихся было огромное количество. Нѣкій купецъ Яковъ Игнатьевъ, „православная“ душа котораго не стерпѣла такого „соблазна для православныхъ“, сдѣлалъ объ этомъ доносъ, куда слѣдуетъ. Кладбище было подвергнуто обыску, послѣ чего походную церковь изъ алтаря Рождественской часовни отобрали, а въ довершеніе ужаса прихожанъ всѣ до одной часовни запечатали.

Однако, по ходатайству попечителей кладбища Антипа Дмитріевича Шелапутина и Василя Ефремовича Соколова, часовни вскорѣ были распечатаны, но походную церковь не возвратили, такъ какъ Синодъ постановилъ: „По неимѣнію доказательства, что полотняная церковь дѣйствительно существовала на Рогожскомъ кладбищѣ до нынѣшняго ея открытія въ 1823 году, на основаніи указа 1818 года, быть ей не дозволять, а церковь возвратитъ въ тотъ монастырь, изъ коего взята“. Императоръ Александръ I при докладѣ Синода сказалъ: „Если хочетъ Рогожское кладбище сохранить эту церковь, пусть присоединится къ единовѣрію, а если не согласится — отправить церковь“ **). Отъ попечителей отобрали подписку въ томъ, чтобы впредь на кладбищѣ литургій не было. Изрѣдка литургіи все-таки служились тайно, по ночамъ, при двухъ-трехъ надежныхъ свидѣтеляхъ. Но скоро сталъ ощущаться недостатокъ въ запасныхъ дарахъ, такъ какъ „указные“ священники „страха ради іудейска“ стали отказываться служить литургіи и тайно. Запасные дары стали выписывать изъ другихъ тогдашнихъ видныхъ центровъ старообрядчества: изъ Иргизскаго Верхнепреображенскаго монастыря отъ игумена Силуяна, а также изъ стародубскихъ слободъ — отъ игумена Сергія Никольскаго мона-

*) А. М. В. Д. „Слѣдственное дѣло о дѣйствіяхъ Авеонія Кочуева и другихъ раскольниковъ“, произведенное по Высочайшему повелѣнію, въ особой слѣдственной Комиссіи 1854 и 1855 гг.

**) Дѣло синода 1823 г. о Рогожскомъ кладбищѣ.

стыря, Суражскаго уѣзда, и отъ Рафаила изъ Покровскаго монастыря Новозыбковскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Когда эти монастыри были разорены или насильственно обращены въ единовѣрческіе, пришлось, при всей боязни, служить литургіи тайно въ кельяхъ матерей Пульхеріи и Александры, у которыхъ, какъ мы уже видѣли, имѣлись походныя церкви. Когда прибылъ на Рогожское кладбище первый старообрядческій епископъ, поставленный для Россіи въ Бѣлой Криницѣ, Софроній Симбирскій, онъ первую архіерейскую обѣдню на кладбищѣ служилъ тоже тайно въ походной полотняной церкви, раскинутой въ такъ-называемой „холерной палатѣ“.

Рогожскіе священники были независимы другъ отъ друга. Доходы ихъ были большіе, но половина доходовъ отчислялась въ капиталъ кладбища и на поддержаніе кладбищенскихъ богадѣленъ и другихъ учрежденій. Всѣмъ священникамъ выстроены были дома на кладбищѣ. „Постановленіе о благочиніи церковномъ“ (ст. 10) говорило о „всеобщемъ соборномъ судѣ“ надъ священниками въ случаѣ незаконныхъ дѣйствій или небрежнаго совершенія богослуженій. Но, разумѣется, на практикѣ выполнить это, при отсутствіи авторитетной и сильной высшей духовной власти, было очень трудно, а во время „оскудѣнія священства“, когда во всей Россіи оставалось какихъ-нибудь три-четыре священника, и совершенно невозможно. Для „указныхъ“, т.-е. дозволенныхъ, священниковъ была установлена очередь служенія, и при каждомъ состоялъ свой уставщикъ и пѣвчіе. Вотъ что гласитъ „Записка о поповскихъ очередяхъ“ 1845 года, когда на кладбищѣ оставалось только три священника: „Попъ первой очереди—Иванъ Матвѣевичъ Ястребовъ, при немъ дьячокъ Василій Ивановъ. При нихъ 14 пѣвчихъ, изъ которыхъ Антонъ Поліектовъ, Назаръ Семеновъ и Исаакъ Антоновъ уважаются кладбищемъ, какъ искуснѣйшіе знатоки священнаго писанія.

Попъ второй очереди—Петръ Ермиловичъ Русановъ, дьячокъ его—Титъ Софроновъ. При нихъ 15 пѣвчихъ, изъ коихъ Иванъ Григорьевъ Донской, Ѳедоръ Васильевъ Жигаревъ и Тимоѣй Прокофьевъ считаются знатоками церковнаго порядка, особенно Иванъ Донской.

Попъ третьей очереди—Иванъ Михайловъ, при немъ дьячокъ Евсей Мартыновъ и 19 пѣвчихъ.

Вслѣдствіе „оскудѣнія священства“ уставщики часто отправляли и безъ нихъ, съ одними пѣвчими, вечерни, утрени и т. под.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Е. Макаровъ.

— Такъ весь сырѣ-борѣ изъ-за какого-то рабочаго загорѣлся? — съ раздраженіемъ отозвался Дмитрій Ильичъ.

— О наукѣ я не знаю и молчалъ, — взволнованно началъ Илья Петровичъ, — самъ я по псалтырю ученъ, а простымъ народомъ ты, Митрій, не гнушайся, я за него заступлюсь! Развѣ я не изъ народа, развѣ ты... ты не мой сынъ!? Неужели твои учителя влили въ твои жилы другую, чужую кровь? Знаешь ли ты, что Кузьмичъ, котораго ты сегодня обидѣлъ ни за что, когда я начиналъ работать, сидѣлъ со мной рядомъ за станкомъ и ѣлъ со мной изъ одной чашки? Эхъ! Митрій! Кто бы ни былъ человѣкъ, рабочій или министръ, или ученый, онъ прежде всего — человѣкъ! Неужели за пятнадцать лѣтъ васъ не научили этому?

Дмитрій Ильичъ съ недовольствомъ слушалъ отца, и когда тотъ замолкъ, поднялся и направился къ двери.

— Вы сегодня, папаша, раздражены, мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ! — И онъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

Илья Петровичъ печально опустился на стулъ.

— Отчего онъ такой, батюшка, кто его сдѣлалъ такимъ? Неужто и взаправду наука? — обратился онъ къ о. Филиппу.

— Нѣтъ...

— Такъ кто же?

— Время!..

И. Московскій.

Очеркъ исторіи Рогожскаго кладбища въ Москвѣ.

(Продолженіе.)

За все время существованія Рогожскаго кладбища, до водворенія на немъ бѣлокриницкаго священства, вышеназванный священникъ о. Іоаннъ Матвѣевичъ Ястребовъ былъ самымъ уважаемымъ и популярнымъ въ старообрядествѣ. За свой большой умъ и начитанность, за ревность къ распространенію и упроченію старообрядчества, „за слова учительныя и полезительныя старообрядству“, за трезвость, а также за огромную услугу, благодаря его смѣлости и распорядительности, оказанную имъ кладбищу въ дѣлѣ спасенія его отъ разгрома французами въ 1812 году, когда всѣ разбѣжались, и лишь онъ остался на кладбищѣ, о. Іоаннъ Ястребовъ стяжалъ славу „крѣпкаго адаманта и твердаго хранителя святоотеческихъ законовъ и древлецерковнаго благочестія“ и пользовался такимъ авторитетомъ, что всѣ слушались безпрекословно одного его слова или даже взгляда. Большин-

ство рогожскихъ священниковъ, современниковъ о. Іоанна Ястребова, не оставались до конца вѣрны старообрядчеству или вслѣдствіе притѣсненій властей и житейскихъ расчетовъ, или по другимъ причинамъ. Такъ, напримѣръ, священники Александръ Ивановичъ Арсеньевъ и Петръ Ермаловичъ Русановъ, отличавшіеся, особенно послѣдній пьянствомъ, алчностью и распутствомъ, уклонились въ единовѣріе, при чемъ о. Русановъ принесъ кладбищу вдобавокъ и огромный вредъ тѣмъ, что способствовалъ насильственному отнятію у кладбища Никольской часовни и нѣкоторыхъ учреждений и водворенію въ нихъ единовѣрія. Далѣе, „указные“ попы, оставшіеся на кладбищѣ къ 40-мъ годамъ XIX столѣтія, боясь установленія надъ собою контроля и законнаго начальства, а главное—уменьшенія своихъ доходовъ, на рогожскомъ соборѣ 1832 года были противъ учрежденія за границей старообрядческой кафедры и приѣма на нее епископа. Но о. Іоаннъ Ястребовъ самъ былъ въ числѣ видныхъ ея учредителей и подчинился въ 1847 году власти бѣлокриницкаго митрополита, вмѣстѣ съ попечителями кладбища отправивъ въ Бѣлую Криницу за мѣромъ пословъ, въ числѣ которыхъ былъ и названный выше уставщикъ Ѳеодоръ Васильевичъ Жигаревъ, поплатившійся потомъ пожизненнымъ заточеніемъ въ казематъ Суздальскаго Спасо-Евфиміевскаго монастыря. По прибытіи въ Россію перваго епископа Софронія Симбирскаго (въ мірѣ Стефана Жирова), о. Іоаннъ Ястребовъ подчинился и ему, хотя ранѣе онъ у него же былъ пѣвчимъ. Призналъ онъ надъ собою власть и прибывшаго потомъ въ Москву Антонія архіепископа Владимірскаго. Надпись на его надгробномъ памятникѣ на кладбищѣ гласитъ: „Подъ симъ камнемъ погребено тѣло священноіерея Іоанна Матвѣевича Ястребова, трудившагося паствою православныхъ христіанъ при семъ Рогожскомъ кладбищѣ 49 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ. Скончался 19-го декабря 1853 года. Житія его было 83 года.

Другой рогожскій священникъ о. Петръ Русановъ, тоже признавшій въ началѣ власть прибывшаго изъ-за границы архіепископа Антонія, 23 ноября 1854 года однако присоединился, какъ уже упомянуто, къ единовѣрію, послѣ допроса его „Высочайше утвержденной слѣдственной комиссіей 1854 г. о дѣйствіяхъ Кочуева и другихъ раскольниковъ“ по дѣлу устройства заграничной епископской кафедры. Такимъ образомъ „бѣгствующее священство“ на кладбищѣ прекратилось, священникамъ же бѣлокриницкаго поставленія служить на кладбищѣ въ часовняхъ было немыслимо вслѣдствіе страш-

наго гнѣва Николая I на учрежденіе бѣлокриницкой іерархіи и усилившихся вслѣдствіе этого гоненій на кладбище и все старообрядчество. Поэтому службы въ часовняхъ начали отправлять одни уставщики съ пѣвчими, и это продолжалось нѣсколько лѣтъ. На кладбище назначенъ былъ казенный „смотритель“. Настали времена небывалой строгости. Искали малѣйшаго повода для расправы съ Рогожскимъ кладбищемъ за то, что оно принимало большое, если не главное участіе въ учрежденіи за границей епископской кафедры. И этотъ поводъ, какъ мы увидимъ, былъ найденъ. Конечно, желаніе имѣть своего епископа было всегдашней и единодушной горячей мечтой не одного кладбища, но и всего старообрядчества; конечно, самый замыселъ утвердить епископство именно за границей принадлежитъ не кладбищу, а извѣстному въ исторіи старообрядчества дѣятелю того времени Авеонію Кузьмичу Кочуеву, убѣдившему при помощи о. Іоанна Ястребова предварительно рогожскихъ попечителей, а затѣмъ и весь рогожскій соборъ 1832 г., съ участіемъ видныхъ пословъ изъ главныхъ центровъ старообрядчества—Стародья, Вѣтки, Иргиза, Керженца, Вольска, Казани и всего Поволжья, Тулы, Боровска, Ржева, Твери и Торжка, Екатеринбурга, Перми, Дона, Урала, Кавказа и т. д.,—одобрить его мысль и уполномочить на ея осуществленіе, за что Авеоній Кочуевъ и окончилъ дни свои въ Суздальскомъ казематѣ *); конечно, практическимъ осуществленіемъ и приведеніемъ въ исполненіе этого великаго дѣла, спасшаго старообрядчество отъ окончательнаго разрушенія, мы обязаны горячей вѣрѣ, неусыпнымъ трудамъ, великому уму и неутомимой энергіи инока Павла Бѣлокриницкаго; конечно, учрежденіе за границей епископства было дѣломъ общимъ, результатомъ рѣшенія всероссійскаго собора 1832 года и другихъ совѣщаній. Но при всемъ томъ ясно, что безъ согласія Рогожскаго кладбища, и тогда уже занявшаго доминирующее положеніе въ старообрядствѣ, безъ большихъ матеріальныхъ затратъ на это дѣло со стороны его видныхъ представителей, на примѣръ, Ѳедора Григорьевича Рахманова и нѣкоторыхъ другихъ, это большое, трудное и сложное дѣло едва ли осуществилось бы, и въ этомъ отношеніи нужно отдать должную дань благодарности Рогожскому кладбищу. Что роль кладбища въ дѣлѣ устройства Бѣлокриницкаго монастыря и приѣма въ старообрядчество митрополита Амвросія—одна изъ существеннѣйшихъ, пока-

*) „Записка о дѣйствіяхъ Кочуева“, протоіерея Арсеньева и „Записка о Рогожскомъ кладбищѣ“, его же.

зываетъ и отношеніе къ кладбищу Николая I, по приказу котораго упомянутый попечитель кладбища Ѳеодоръ Рахмановъ также окончилъ дни свои въ Суздальской монастырской крѣпости.

Разумѣется, что всѣ подобныя гоненія и кары не могли остановить распространенія и роста бѣлокриницкаго священства. На самомъ кладбищѣ иногда появлялись новаго поставленія священники для исполненія необходимѣйшихъ требъ, конечно, тайно, и то лишь по частнымъ кельямъ.

Въ 1854 году, какъ выше замѣчено, кладбищенскій священникъ Петръ Ермиловичъ Русановъ „страха ради іудейска“ и по другимъ причинамъ перешелъ въ единовѣріе. Въ скоромъ времени за нимъ послѣдовали нѣсколько прихожанъ кладбища, во главѣ съ Сопѣлкинымъ, Аласинымъ и друг. Этимъ воспользовались враги старообрядчества: „безъ всякой церемоніи“ Никольскую часовню насильно у кладбища отобрали, и митрополитъ Филаретъ освятилъ ее на единовѣрческую церковь подъ тѣмъ нелѣпымъ предлогомъ, что отступившіе отъ старообрядчества якобы имѣютъ право на часть кладбища, какъ-будто оно представляло ихъ личную собственность, какъ совладѣльцевъ, а не было наслѣдіемъ предковъ, созидавшимся десятки лѣтъ. Какъ истые ренегаты, новые единовѣрцы старались всячески навредить старообрядцамъ. Они дѣлали доносъ за доносомъ о томъ, что на кладбищѣ водворились и тайно служатъ ненавистные правительству попы „австрійскаго поставленія“. И по настоянію митрополита Филарета казенный „смотритель“ кладбища *своей властью* совсѣмъ запретилъ совершать въ часовняхъ богослуженіе. Но это являлось слишкомъ уже вопіющимъ произволомъ. Очевидно, по ходатайству старообрядцевъ, „въ январѣ 1856 г.,—какъ гласитъ офиціальныи актъ,—московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ было доведено до свѣдѣнія министерства (внутреннихъ дѣлъ), что смотритель рогожскаго богадѣльнаго дома, статскій совѣтникъ Мосжаковъ самопроизвольно воспретилъ рогожскимъ раскольникамъ совершать въ часовняхъ ихъ богомоленія. Министръ внутреннихъ дѣлъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Ланской, принимая во вниманіе, что рогожскіе раскольники издавна (со временъ царствованія Екатерины II) отправляли богомоленія въ своихъ часовняхъ по ихъ обрядамъ, и имѣя въ виду, что Высочайшимъ повелѣніемъ 21 декабря 1853 г. раскольникамъ безпоповщинской секты дозволено собираться въ часовняхъ на Преображенскомъ кладбищѣ для молитвы,

отпѣванія умершихъ и совершенія панихидъ, при чемъ разрѣшено имъ церковное пѣніе, и что высочайшимъ же повелѣніемъ 9 августа 1854 г. предписано принять по рогожскому богадѣльному дому тѣ же мѣры, кои были установлены для Преображенскаго кладбища, призналъ распоряженіе смотрителя Мосжакова о воспрещеніи богомоленія въ рогожскихъ часовняхъ *неправильнымъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ генераль-адъютанту графу Закревскому о томъ, чтобы на будущее время не было дѣлаемо препятствія рогожскимъ раскольникамъ отправлять богослуженіе по ихъ обрядамъ въ упомянутыхъ часовняхъ, *строго, однако, наблюдая за недопущеніемъ ими при семъ публичнаго оказательства раскола*“.

На первый разъ, такимъ образомъ, „сорвалось“, но очень ненадолго. Хитроумному Филарету нужно было лишь придумать „публичное оказательство раскола“, благо распоряженіе министерства давало къ этому поводъ. Какъ разъ въ это время къ нему поступилъ ложный доносъ, можетъ-быть имъ же и внушенный, будто священникъ бѣлокриницкаго поставленія Д. Д. Крынинъ открыто служить въ алтаряхъ рогожскихъ часовень. Филарету только это и было нужно. На основаніи доноса онъ немедленно послалъ въ синодъ протестъ на распоряженіе министра Ланского, отмѣнявшее неправильныя дѣйствія Мосжакова.

„Затѣмъ, въ февралѣ мѣсяцѣ того же года 1856,—говорится въ томъ же офиціальномъ документѣ.—государь императоръ, вслѣдствіе сообщеннаго его величеству святѣйшимъ синодомъ протеста московскаго митрополита Филарета о самоличномъ оказательствѣ рогожцами раскола, произведенномъ ими во время богомоленій, совершенныхъ послѣ отмѣны неправильнаго распоряженія смотрителя Мосжакова, а также и полученнаго письма іеромонаха Парѣенія по тому же предмету, въ коемъ указывалось, между прочимъ, и на бывшее какое-то столкновеніе между раскольниками и православными, высочайше повелѣтъ соизволилъ: внести настоящее обстоятельство, по важности предмета, на разсмотрѣніе секретнаго комитета.

„По выслушаніи означеннымъ комитетомъ упомянутаго протеста митрополита Филарета и заявленія іеромонаха Парѣенія, между членами онаго произошло разногласіе: шесть членовъ, признавая обвиненія, взведенныя на рогожскихъ раскольниковъ въ публичномъ оказательствѣ ими ереси, доказанными, полагали запечатать алтари, дозволивъ раскольникамъ посѣщать часовни и молиться про себя (?); другіе же

три члена, признавая таковыя обвиненія, *въ виду отсутствія формальнаго по сему предмету дознанія*, не доказанными, находили справедливымъ ограничиться строгимъ внушеніемъ раскольникамъ, дабы они, при совершеніи своихъ богомоленій, отнюдь не позволяли себѣ такихъ дѣйствій къ соблазну православныхъ, кои противны существующимъ на сей предметъ законоположеніямъ.

„По доведеніи о семъ до свѣдѣнія государя императора, его величество высочайше соизволилъ утвердить мнѣніе шести членовъ.

„Во исполненіе таковаго высочайшаго повелѣнія было немедленно сдѣлано распоряженіе объ опечатаніи алтарей рогожскаго богадѣльнаго дома, что и исполнено 7 іюля 1856 года.

„Затѣмъ,—говорится въ томъ же документѣ, — *въ виду возникшихъ сомнѣній относительно справедливости обвиненія рогожскихъ раскольниковъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ по расколу*, высочайше повелѣно было произвести по сему предмету строгое изслѣдованіе чрезъ особо для сего назначенныхъ чиновниковъ отъ гражданскаго и духовнаго вѣдомствъ.

„Командированными вслѣдствіе сего отъ московскаго военнаго генераль-губернатора и канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода чиновниками, для производства дознанія вообще по всѣмъ обвиненіямъ, взведеннымъ на раскольниковъ рогожскаго богадѣльнаго дома, и по спросѣ нѣкоторыхъ свидѣтелей обнаружено, что *самоличнаго оказательства раскола на Рогожскомъ кладбищѣ, а также столкновенія съ православными никакого не было*. О чемъ и было министромъ внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйше доложено государю императору“.

Примѣрная, какъ видите, логичность! Нѣкто подозрѣваемый, представьте себѣ, оговоренъ и оклеветанъ. Его немедленно, „безъ формальнаго по сему предмету дознанія“, судятъ и лишаютъ правъ. „Затѣмъ, въ виду возникшихъ сомнѣній относительно справедливости обвиненія“, приказываютъ „произвести по сему предмету строгое изслѣдованіе“. Официальное слѣдствіе „обнаруживаетъ“ съ несомнѣнностью, что преступленіе осужденнаго выдуманно доносчиками. Несмотря на это, несчастнаго не освобождаютъ отъ присужденной кары и не возвращаютъ ему отнятыхъ у него правъ.

Поводомъ къ ложному доносу, имѣвшему столь роковыя послѣдствія для Рогожскаго кладбища, для неразборчивыхъ въ средствахъ клеветовъ митрополита Филарета, какъ

разсказывалъ покойный владыка Арсеній уральскій, съ 1866 года служившій секретаремъ архіепископа Антонія московскаго, послужило слѣдующее обстоятельство: когда кладбище лишилось всѣхъ „указныхъ“ священниковъ, службу въ часовняхъ поневолѣ стали править „простецкую“, т.-е. безъ священниковъ; но уставщики, по обычаю, на мѣстѣ священническихъ „возгласовъ“ говорили: „Господи Ісусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ“ или „За молитвы святыхъ отецъ нашихъ, Господи Ісусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ“. Такіе возгласы какъ разъ приходилось дѣлать и на чтеніи каѳизмъ, во время которыхъ по старообрядческому обычаю сидятъ. Такъ какъ алтари не были освящены, а въ 50-хъ годахъ стояли и совсѣмъ пустые, потому что о разставленіи походной церкви и служеніи литургій и думать не приходилось, то „замолитвовавшіе“ уставщики иногда уходили „посидѣть“ въ алтарь. Случается, конечно, что человѣкъ, особенно сидя, отъ усталости за долгой всенощной, задремалъ. А между тѣмъ съ клироса даютъ знать, что пора „замолитвовать“. Уставщикъ торопится выйти изъ алтаря сѣверными или южными дверьми и уже внѣ алтаря дѣлаетъ возгласъ. Но иногда, не успѣвъ выйти изъ алтаря, и чтобы замѣтно не нарушать внѣшній порядокъ, уставщикъ „замолитвовалъ“ прямо въ алтарѣ. Вотъ это пустое и отчасти курьезное обстоятельство и дало агентамъ митрополита Филарета, приставленнымъ для шпіонства, не появятся ли на кладбищѣ „австрійскіе“ попы, которыхъ Филаретъ, видимо, какъ огня боялся,—предлогъ донести, что „австрійскіе“ попы уже служатъ въ алтаряхъ часовень.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Е. Макаровъ.

Открытое письмо.

Старообрядческаго протоіерея о. А. Старкова старообрядческому священнику Рогожскаго кладбища о. Елисею Мелехину.

Г. І. Х. С. Б. П. Н.

Премногоуважаемый собратъ о Христѣ благоговѣйный священноіерей о. Елисей! Хотя и очень много печатается интересныхъ и увлекательныхъ статей по церковно-общественнымъ вопросамъ въ журналѣ «Старообр. Мысль», но лично для меня всѣхъ интереснѣйшая ваша статья «Пора обратить вниманіе» (№ 1 сказаннаго журнала). Статью вашу я неоднократно

ніемъ отъ онаго въ двухъ верстахъ, среди коего тогда же сооружена во имя Божіей Матери часовня.

Часовня сія деревянная, съ колокольнею, семью колоколами; во внутренности святыхъ иконъ и прочихъ украшеній, примѣрно, на пятнадцать тысячъ рублей.

Дворовъ въ семъ монастырѣ восемьдесятъ девять, а въ нихъ келій сто сорокъ пять, всѣ деревянные, крытыя тесомъ и соломой, обгорожены плетнемъ и досками.

Монастырь сей на берегу въ правой сторонѣ рѣки Иргиза имѣетъ подъ поселеніемъ своимъ около пяти десятинъ, да подъ огородами и бахчами десятинъ до двадцати.

У сихъ женскихъ монастырей, кромѣ часовенъ, ничего принадлежащаго всѣмъ вообще обитательницамъ нѣтъ, а проживающія въ ономъ, согласясь по двѣ, по три и болѣе, живутъ вмѣстѣ и имѣютъ одинъ дворъ и заведеніе коровъ и частію лошадей. Пропитаніе себѣ добываютъ чрезъ продажу въ сосѣдственномъ количествѣ разныхъ огородныхъ растеній, небольшое рукодѣліе и подаваніе, а для необходимаго скотоводства кормъ какъ-то луговъ и степи, получаютъ изъ намежеванныхъ мужскимъ монастырямъ земель, откуда пользуются на отопку келій и лѣсомъ.

Сокровища въ часовнѣ пріобрѣтены отъ подаванія добродѣтельныхъ дателей, отъ коихъ получаютъ иногда и деньги, только очень рѣдко и мало; деньги сіи употребляются на поправленіе въ часовняхъ нѣкоторыхъ ветхостей, на покупку свѣчъ, ладону и масла.

Богослуженіе у нихъ, въ часовняхъ, отправляется самими ими повседневно безъ священника, по старопечатнымъ книгамъ, а требы исправляются попами мужскихъ старообрядческихъ монастырей.

О числѣ удѣльныхъ крестьянъ и всѣхъ непремѣнныхъ жителей какъ мужскихъ, такъ и женскихъ монастырей составлены г. земскимъ исправникомъ подробныя вѣдомости и представлены къ вашему сіятельству въ благоразсмотрѣніе, кромѣ тамъ показанныхъ бывають еще временные только работники по наймамъ на короткое время, а прочнаго долговременнаго жительства въ монастыряхъ не имѣютъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Лебедевъ.

Очеркъ исторіи Рогожскаго кладбища въ Москвѣ.

(Продолженіе.)

Со времени рокового событія 7 іюня 1856 г. начинаются частыя и настойчивыя ходатайства представителей Рогожскаго кладбища предъ правительствомъ объ открытіи

алтарей въ храмахъ. Нѣсколько разъ подаются такія прошенія нарочно въ самые, казалось бы, удобные моменты—при восшествіи царей на престолъ, при коронованіи и т. под., но безрезультатно; обыкновенно такія прошенія возвращались, съ приказомъ „не беспокоить впредь такими неосновательными и тщетными просьбами“. Въ 1880 г., въ эпоху либеральныхъ вѣяній при Лорисъ-Меликовѣ, выборные Рогожскаго кладбища, въ числѣ 23 лицъ, подали на высочайшее имя одно изъ такихъ прошеній; оно препровождено было министру внутреннихъ дѣлъ—на заключеніе заинтересованныхъ вѣдомствъ. Оберъ-прокуроръ синода, съ которымъ по этому ходатайству снесся министръ внутреннихъ дѣлъ, увѣдомилъ, что „святѣйшій синодъ не находитъ съ своей стороны основаній къ удовлетворенію настоящаго ходатайства московскихъ раскольниковъ“. „По доведеніи о семъ до свѣдѣнія государя императора его величество въ 28 день марта сего года высочайше повелѣтъ соизволилъ: внести настоящее ходатайство на разсмотрѣніе въ комитетъ министровъ“.

2 апрѣля 1880 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ представилъ въ комитетъ министровъ докладъ съ благопріятнымъ для Рогожскаго кладбища заключеніемъ, присовокупивъ такой же отзывъ тогдашняго московскаго генераль-губернатора. Тѣмъ не менѣе „отпечатать“ алтари разрѣшено не было. Въ 1881 г., правда, было получено дозволеніе поставить временные алтари на амвонахъ храмовъ, въ каковыхъ и начали совершать литургію священники бѣлокриницкой іерархіи. Но скоро началась крутая реакція. Извѣстный ненавистникъ старообрядчества проф. Н. Субботинъ и другіе мракобѣсы выступили въ реакціонной печати противъ „вопіющаго потворства оказательству раскола, угрожающаго государственной безопасности“, и „униженія святой православной церкви“, и подъ вліяніемъ этой травли, по настоянію мрачной памяти К. П. Побѣдоносцева, министръ внутреннихъ дѣлъ въ 1884 г. приказалъ убрать временные алтари.

Во время коронаціонныхъ торжествъ 1896 г., нынѣ царствующему Государю Императору опять было подано прошеніе о распечатаніи рогожскихъ алтарей. Какъ рассказывалъ владыка Арсеній, со словъ покойнаго Т. И. Филиппова, государственнаго контролера, имѣвшаго большой вѣсъ и вліяніе въ петербургскихъ сферахъ и являвшагося сильнымъ заступникомъ за старообрядцевъ при грубыхъ покушеніяхъ на ихъ права К. П. Побѣдоносцева, — прошеніе это принято было милостиво, но чуть ли не передъ самымъ подписаніемъ

указа о „распечатаніи“, узнавъ объ этомъ, явился Побѣдоносцевъ съ кievскимъ митрополитомъ и стали доказывать, что отъ такой мѣры чуть ли не рухнетъ русское государство. И прошеніе удовлетворено не было.

Въ 1903 г. московскіе старообрядцы опять подавали такое же прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ В. К. фонъ-Плеве, но опять безрезультатно: прошеніе, видимо, положено было подъ сукно.

Надежда на открытіе алтарей вновь воскресла, когда начались либеральныя вѣянія 1904 г., такъ-называемая „весна“ при кн. П. Д. Святополкѣ-Мирскомъ. Опять подано было ходатайство объ открытіи алтарей.

И 16 апрѣля 1905 г., наканунѣ изданія указа о вѣротерпимости, старообрядцамъ были оказаны впервые необычные дотолѣ знаки официальнаго вниманія.

Въ этотъ памятный день московскимъ генералъ-губернаторомъ была получена слѣдующая телеграмма Государя Императора.

„Повелѣваю въ сегодняшній день наступающаго Свѣтлаго праздника распечатать алтари старообрядческихъ часовенъ Рогожскаго кладбища и предоставить впредь состоящимъ при нихъ старообрядческимъ настоятелямъ совершать въ нихъ церковныя службы. Да послужить это столь желанное старообрядческимъ міромъ снятіе долговременнаго запрета новымъ выраженіемъ Моего довѣрія и сердечнаго благоволенія старообрядцамъ, искони извѣстнымъ своею непоколебимою преданностью престолу. Да благословить и умудритъ ихъ Господь съ полною искренностью пойти навстрѣчу желаніямъ и стремленіямъ русской православной церкви и прекратить соборнымъ рѣшеніемъ тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую можетъ только церковь.

Николай II“.

Вслѣдъ за этой телеграммой были командированы въ Москву придворные сановники князь Д. Б. Голицынъ и графъ Д. С. Шереметевъ. Въ 3 часа дня Страстной субботы послы прибыли на Рогожское кладбище. Кн. Голицынъ прочиталъ высочайшее повелѣніе съ амвона лѣтняго Покровскаго храма и срѣзалъ съ алтарныхъ дверей печати. Можно представить себѣ, что чувствовала въ это время масса старообрядцевъ, узнавшихъ о событіи и собравшихся въ большомъ числѣ на кладбище! Открыли дверь и со свѣчами вошли въ алтарь.

И какой же ужасъ предсталъ глазамъ! Воистину полная „мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ“: полъ мѣстами прогнилъ, кіоты развалились, иконы попадали на полъ, лики на нихъ обсыпались и отстали, стѣнная живопись попортилась отъ пыли и сырости, священные одежды и облаченія истлѣли, и пыль, скопившаяся за полвѣка, толстымъ слоемъ покрывала все. На всемъ лежала печать разрушенія, и когда стали открывать пробывшія полвѣка наглухо заколоченными окна, чувства не выдержали при видѣ представившейся ужасной картины, и раздались рыданія. Но лѣтняя часовня не отапливается, и поэтому алтарь ея все же лучше сохранился, такъ что его оказалось возможнымъ наскоро очистить и привести въ болѣе сносное положеніе для совершенія пасхальной заутрени. Не то было въ зимнемъ храмѣ, алтарь котораго распечатали вслѣдъ за лѣтнимъ храмомъ. Жуткое и гнетущее впечатлѣніе какого-то сырого и мрачнаго подземелья ощутили очевидцы при видѣ полнѣйшаго хаоса, разрушенія и запустѣнія, пыли и плѣсени; полъ провалился, иконы сгнили, штукатурка на стѣнахъ обвалилась, такъ что при видѣ такого поруганія святыни нельзя даже было сообразить, за что здѣсь принятыся. Понадобились время, много трудовъ и большія средства (около 30000 рублей) на возстановленіе и реставрацію алтарей. Но въ теченіе почти 49 лѣтъ, когда рука человѣческая не могла прикоснуться къ запечатаннымъ алтарямъ, въ нихъ погибла безвозвратно масса рѣдкихъ археологическихъ цѣнностей и святынь, которыхъ нельзя купить ни на какія деньги.

День 16 апрѣля 1905 г. навсегда останется въ памяти московскихъ старообрядцевъ, какъ историческая грань, положенная между печальнымъ прошлымъ многострадальнаго старообрядчества и новой эпохой сравнительной свободы вѣроисповѣданія.

И хотя вскорѣ послѣ этого великаго дня снова были попытки ограничить Рогожское кладбище въ пользованіи его новымъ положеніемъ, именно попечителямъ кладбища было объявлено распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина не обращать храмы въ „каѳедральный соборъ“, не допускать епископскихъ служеній и т. под., но жизнь оказалась сильнѣе канцелярскихъ измышленій. 17-е октября 1905 г., день объявленія манифеста о преобразованіи государственнаго строя „на незыблемыхъ началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ“ и объ учрежденіи законодательной Го-

сударственной Думы,—этотъ историческій день далъ возможность первый разъ открыто и торжественно совершить епископское служеніе въ алтарѣ Рогожскаго храма архіепископу Іоанну Московскому и всея Россіи и, такимъ образомъ, положить начало обращенію Рогожскихъ храмовъ въ каѳедральные и первопрестольные для всего русскаго старообрядчества, приѣмлющаго священство бѣлокриницкой іерархіи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. Е. Макаровъ.

Молчать или кричать?

Я получилъ письмо, раздирающее и леденящее душу человѣка-христианина. Да и не одно такое письмо я получилъ и получаю. Я ихъ теперь такъ много получаю, и въ нихъ такъ много воплей кричащихъ, что я оглушенъ ими и никакъ не могу собраться съ мыслями, что дѣлать: молчать о проказахъ жизни, описываемыхъ въ письмахъ, или говорить во всеуслышаніе? А ужъ если говорить о нихъ, такъ лучше не говорить только, а кричать и звать общество къ уврачеванію ихъ и улучшенію жизни.

Молчать—преступно: скрытая болѣзнь сильнѣе разъѣдаетъ организмъ и губить его окончательно. Кричать страшно: люди не привыкли сознать себя въ томъ неприглядномъ видѣ, въ какомъ они есть въ дѣйствительности. Имъ непремѣнно хочется все видѣть чрезъ очки съ розовыми стеклами и спокойно думать: какъ мы хороши... Какъ мы милы и совершенны. А вотъ, молъ, сосѣди, тѣ ужасно гнусны... Но мы съ ними—ни части, ни жребія... Благодаримъ, молъ, мы Тебя, Боже, что мы не таковы какъ тѣ „мытари“. И тѣхъ, кто откроетъ имъ внезапно глаза на ихъ собственную грязь, люди тотчасъ же объявятъ своими злѣйшими врагами. Люди никогда не признаютъ простой дѣйствительности, что враги-то ихъ злѣйшіе никто другой, *какъ только сами они*. Имъ всегда кажется, что ужасные враги общества, это—тѣ, что вносятъ въ тьму общественной жизни свѣтъ, который внезапно освѣтитъ всю грязь, плѣсень, гной, затхлость и смрадъ этой жизни. Люди, увидавъ внезапно при свѣтѣ внесеннаго свѣта-факела всю нечисть общественной жизни, тотчасъ же бросаются на держащаго въ рукахъ этотъ факель-свѣта и, задушивъ его, гасятъ и свѣтъ и вновь успокаиваются, воображая, что съ исчезновеніемъ свѣта исчезли и всѣ чудовища, населяющія общественную жизнь; что грязь высохла, плѣсень смыта и гной исцѣленъ...

Такъ было поступлено съ пророками, такъ было поступлено съ Христомъ, такъ же точно поступали на всемъ пространствѣ вѣковъ до нашихъ дней съ людьми, несущими свѣтъ разума въ человѣческую жизнь, такъ поступать и съ нами потомъ...

трехъ монастыряхъ, и о послѣдующемъ меня увѣдомить. Впрочемъ о всякомъ отъ землемѣра Митрикова или Симбирской Межевой конторы, или жъ прочихъ мѣстъ, незаконномъ притѣсненіи и требованіи можете вы и каждаго монастыря настоятель немедленно меня увѣдомить. Подлинное подписалъ Павелъ Руничъ.

Вятка, 1802 года 15 іюля.

Получено 17 марта 1803 года.

XXI. *Иргизскихъ старообрядческихъ монастырей настоятелямъ: Воскресенскаго Прохору, Успенскаго Гавріилу и Никольскаго Якову.*

Увѣдомленіе ваше отъ 10 февраля сего 1803 года я получилъ, и нужнымъ считаю симъ въ успокоеніе ваше сказать вамъ, что въ разсужденіи плановъ не было вамъ надобности посылать отъ себя освѣдомляться объ оныхъ въ межевой сената департаментъ, поелику должны они быть поднесены *Его Императорскому Величеству*, и для того совѣтую вамъ быть на сей счетъ спокойными. А какъ, по *Высочайшему* повелѣнію, я стпращаюсь 5-го числа сего мѣсяца въ С.-Петербургъ, и не уповаю возвратиться прежде первыхъ чиселъ мая, то, буде бы встрѣтилась вамъ надобность о чемъ-либо меня увѣдомить, то, посылая прямо ко мнѣ бумаги ваши, надписывайте оныя въ С.-Петербургъ, на имя мое, или пересылайте оныя чрезъ Никиту Ѳедоровича, или другого кого вамъ извѣстнаго. Подлинное подписалъ Павелъ Руничъ.

Вятка, 1803 года.

Сообщилъ Александръ Лебедевъ.

Очеркъ исторіи Рогожскаго кладбища въ Москвѣ.

(Продолженіе.)

Помимо своихъ замѣчательныхъ храмовъ, Рогожское кладбище издавна славилось въ старообрядчествѣ разными своими благотворительными учрежденіями. Для этой цѣли въ разное время на кладбищѣ воздвигнуто много построекъ въ видѣ „палатъ“ для призрѣнія престарѣлыхъ, неимушихъ и неспособныхъ къ труду старообрядцевъ, а также контора, гостиница, келіи и дома частныхъ лицъ и т. под.

Кладбищенская контора-гостиница представляетъ изъ себя большой каменный двухъэтажный домъ. Собственно контора занимаетъ одну изъ комнатъ нижняго этажа зданія; въ другихъ комнатахъ нижняго этажа помѣщаются кабинетъ попечителей кладбища, кухня для приготовленія кушаній на случай „поминокъ“ по умершимъ прихожанамъ кладбища, складъ церковно-хозяйственныхъ принадлежностей и т. под. Въ верхнемъ этажѣ находится два огромныхъ зала для собраний, устройства поминокъ и отдыха пріѣзжихъ и другія

комнаты, занимаемая рогожскими училищами: городскимъ 4-класснымъ, нынѣ, къ сожалѣнію, закрытымъ, и начальнымъ.

Въ главномъ залѣ прежде висѣли три подлинныя грамоты: 1) московскаго митрополита Антонія 14 марта 1576 г. іеродиакону Стахею, 19 лѣтъ бывшему бѣлымъ дьякономъ Степаномъ Еремѣевымъ, рукоположенному митрополитомъ Макаріемъ, а затѣмъ постриженному въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ, о разрѣшеніи ему перейти въ ростовскую епархію. На грамотѣ печать и собственноручная подпись м. Антонія, а на оборотѣ подписи ростовскихъ епископовъ Іоны и Давыда. 2) Патріарха Филарета Никитича 10 марта 1632 г.—храмозданная, но неизвѣстно какого храма, такъ какъ верха грамоты не сохранилось. 3) Патріарха Іоасафа 16 марта 1639 г. о назначеніи дьячка Леонтія Ѳедорова, рукоположеннаго въ іереи крутицкимъ владыкою, къ церкви въ Костромской уѣздъ. Въ 1854 г., при переходѣ Рогожскаго кладбища подъ надзоръ казеннаго смотрителя, всѣ эти цѣнныя археологическіе памятники были конфискованы и сданы въ архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ („Дѣло департамента общихъ дѣлъ“ 1854 г. № 79).

Кромѣ этихъ грамотъ въ главномъ залѣ висѣли царскіе портреты, планъ Рогожскаго кладбища, карта Европы и писанные портреты священника І. М. Ястребова и другихъ.

Нынѣ кромѣ всего этого висятъ еще: писанный портретъ митрополита Амвросія бѣлокриницкаго, фотографическій портретъ рогожскаго священника о. Петра Дрегунова, въ постриженіи священноинока Павла, фотографическіе виды кладбища, а съ недавняго времени громадная картина „Видъ распечатаннаго алтаря въ храмѣ Рогожскаго кладбища“.

Поминки по умершимъ прихожанамъ кладбища устраивались въ конторѣ кладбища на основаніи слѣдующаго кладбищенскаго „постановленія о единообразномъ дѣйствіи“ (ст. 7): „Для поминовенія усопшихъ, по случаю смѣшенія съ невѣрными, и дабы не подать соблазна и претыканія, то на обѣдъ какъ священникамъ, дьяконамъ, такъ и всѣмъ при нихъ служащимъ отъ сего не ходить и не ѣздить, а если кому изъ желающихъ будетъ угодно, то можетъ уготовить всѣмъ на то изготовленнымъ, во всеобщемъ гостинѣ покоемъ оную, исполнить во славу Божию и на память усопшему въ слѣдующемъ порядкѣ...“ Подлинникъ этого постановленія 1825 г., за подписью семи священниковъ, двухъ дьяконовъ, уставщика Терентія Заболоцкаго и попечителей: Павла Дунякова,

Ларіона Абрамова, Ивана Огорокова, Трифона Лубкова, Давыда Шекина, Федора Бокова и Николы Царскаго былъ переданъ тоже въ архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ („Дѣло департ. общ. дѣлъ“ 1853 г. № 516).

Конторой кладбища всегда завѣдывалъ особый конторщикъ. Изъ конторщиковъ слѣдуетъ отмѣтить, какъ самаго виднаго и вліятельнаго, Кондратія Никифоровича Сеницына, служившаго съ 1814 по 1844 гг. Послѣ него служилъ конторщикомъ Дмитрій Корнѣевъ, оставившій по себѣ хорошія воспоминанія. Сеницынъ имѣлъ своими помощниками купца Авѣонія Кузьмича Кочуева, уроженца города Горбатога Нижегородской губерніи, (Кочуему принадлежитъ инициатива устройства за границей епископской кафедры), и Петра Осиповича Смыслова. Всѣ эти лица имѣли огромное вліяніе на дѣло учрежденія и упроченія бѣлокриницкой іерархіи, принимая въ немъ живое и дѣятельное участіе.

Въ конторѣ находился и архивъ Рогожскаго кладбища. Болѣе замѣчательныя бумаги, а равно походныя полотняныя церкви, антиминсы и т. под., вслѣдствіе гонительнаго времени, укрывались въ подземную кладовую подъ деревянною колокольней, стоявшей близъ храмовъ, въ которую входить могли только конторщикъ, попечители и о. І. М. Ястребовъ *). Самыя важнѣйшія бумаги и акты хранились по частнымъ домамъ конторщиковъ и другихъ надежнѣйшихъ лицъ изъ прихожанъ кладбища. Вслѣдствіе всего этого нѣкоторые чрезвычайно важные и цѣнные документы не сохранились на кладбищѣ и для исторіи потеряны, другіе въ 1854 году конфискованы и переданы въ архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ того, часть, какъ говорили, сгорѣла во время одного пожара на кладбищѣ, часть же застряла, какъ говорятъ, у наслѣдниковъ кладбищенскихъ конторщиковъ Сеницына и Корнѣева.

О богатствѣ бібліотеки и ризницы кладбища можно судить по тому, что было найдено въ нихъ въ 1854 году при приѣмѣ кладбища въ вѣдѣніе казеннаго смотрителя, хотя, какъ говорятъ, наиболѣе замѣчательныя и драгоцѣнныя вещи успѣли заранѣе передать надежнѣйшимъ и виднѣйшимъ прихожанамъ кладбища.

Найдено: ризъ священническихъ 1150, и между ними множество бархатныхъ, золотыхъ и серебряныхъ парчей; епитрахилей 66; поручей 228 паръ; стихарей 59; орарей 50.

*) «Записки протоіерея Арсеньева», въ «Слѣдствен. дѣлѣ о дѣйствіяхъ Авѣонія Кочуева и друг. раскольниковъ» 1854 и 1855 гг.

Найдено также въ кладовыхъ 494 иконы, которыя, очевидно, некуда было поставить.

Кладбищенская библіотека отличалась рѣдкими древле-письменными и старопечатными книгами, которыя десятками лѣтъ тщательно собирались, не жалѣя средствъ. Но она не была описана и хранилась безъ всякаго порядка, почему сильно „растаяла“. Но и въ 1854 году, при пріемѣ кладбища въ вѣдѣніе правительства, въ ней нашли 517 книгъ, изъ нихъ около 50 древлеписьменныхъ, въ томъ числѣ такіа цѣнныя, какъ „Никона Черныя горы“, писанная въ 1366 г., „Толковое евангеліе“ 1407 г., „Служебное евангеліе“ 1551 г., 12 „Миней мѣсячныхъ“ 1557 г., „Ирмосы пѣвчіе“, писанные въ Ростовѣ въ 1622 г., и друг.; а изъ старопечатныхъ: „Острожская библія“ (1581 г.), „Евангеліе на престольное“ (1606 г., 1648 г. и 1651 г.), „Апостолъ“ (1635 г.), „Уставъ“ (1640 г.), „Око церковное“ (1641 г.), „Кормчая“ (1650 г.) *).

Эти замѣчательно цѣнныя и въ историческомъ и въ литургическомъ отношеніи библіотека и архивъ, еще къ тому же обогатившіеся огромнымъ собраніемъ книгъ послѣ смерти архіепископа Антонія, и до сего времени, къ большому сожалѣнію, представляютъ мертвый капиталъ, не приведены въ должный порядокъ, даже не имѣютъ описанія и совершенно не доступны не только для публики, но и для прихожанъ кладбища, и даже для изслѣдованій специалистовъ, такъ что даже „доступности“ правительственныхъ и иныхъ архивовъ приходится завидовать.

Кромѣ зданія конторы-гостиницы въ оградѣ кладбища находятся: недавно выстроенная, большая прекрасная лечебница имени С. И. Морозова, домъ для квартиръ священнослужителей и „палаты“ для призрѣваемыхъ на кладбищѣ и пѣвчихъ, а именно: „новая“, каменная двухъэтажная; „козина“, нынѣ Я. И. Бѣлова, тоже каменная, двухъэтажная; „пѣвчая“, каменная, двухъэтажная, въ которой до 1835 г. помѣщалось Рогожское училище, а затѣмъ она отведена для квартиръ пѣвчихъ; „константиновская“, двухъэтажная, въ которой въ прежнія времена наверху помѣщались призрѣваемыя женщины, а внизу останавливались пріѣзжіе изъ простонародья для крещенія младенцевъ, вѣнчанія и т. д.: „холерная“, нынѣ Е. П. Тимашевой, каменная, „антоновская“, „имени К. Т. Солдатенкова“, „имени Н. А. Бугрова“, „имени О. А. Овсянниковой“, „имени А. К. и Э. К. Рахмановыхъ“,

*) «Дѣло департ. общ. дѣлъ», 1854 г. № 79.

деревянная, двухъэтажная, и другія. Издавна существуетъ на кладбищѣ и „пріютъ для душевнобольныхъ женщинъ“, но до самаго послѣдняго времени онъ былъ самаго примитивнаго устройства. Въ прежнее время душевнобольныхъ, какъ и всюду, не лечили. Въ комнатахъ находились нары. Смирительныхъ рубахъ на безпокойныхъ не надѣвали, а по дѣдовскому обычаю, какъ почти вездѣ въ то время, сажали на цѣпь. Лишь въ 1909 году это учрежденіе было капитально перестроено и приведено въ должный порядокъ, сообразный съ требованіями медицины и гигиѣны.

Въ прежнее время существовалъ на кладбищѣ еще особый „сиротскій домъ“, для воспитанія „подкидышей“, а также дѣтей, приносимыхъ подъ такимъ наименованіемъ бѣдными родителями, главнымъ образомъ солдатками, для ихъ избавленія отъ участи военныхъ кантонистовъ, или крѣпостными крестьянами для избавленія ихъ отъ барской неволи. Воспитательное дѣло было въ этомъ пріютѣ поставлено такъ же примитивно. Дѣтей не лечили, кормилицъ не держали, воспитывая младенцевъ на рожкѣ, и т. под. Отсюда обычно громадная смертность дѣтей даже нынѣ, и притомъ во много лучше поставленныхъ воспитательныхъ домахъ, на Рогожскомъ кладбищѣ была еще выше.

На это указываетъ слѣдующій фактъ: при пріемѣ кладбища въ вѣдѣніе правительства въ 1854 году въ кладовой найдено 119 большихъ гробовъ и 150 младенческихъ, 48 похоронныхъ покрывалъ для взрослыхъ и 12 для младенцевъ.

Въ 1834 году было положено начало закрытію „сиротскаго дома“: 54 мальчиковъ отъ 3 до 15 лѣтъ отобрали въ Воспитательный домъ, а 14 мальчиковъ старше 15 лѣтъ взяли въ кантонисты, приказавъ впредь дѣтей по достиженіи ими 3 лѣтъ передавать въ Воспитательный домъ, что было, собственно, концомъ „сиротскаго дома“, такъ какъ не могли же старообрядцы воспитывать младенцевъ только для того, чтобы ихъ потомъ дѣлали сынами господствующей церкви, можетъ-быть врагами и гонителями старообрядчества.

Для рогожскихъ воспитанниковъ и приходящихъ дѣтей на кладбищѣ до 1835 года существовало училище, гдѣ преподавалось чтеніе, письмо, счетъ и церковное пѣніе. Оно существовало на тѣхъ же основаніяхъ, какъ старообрядческое Гребенщиковское училище въ Ригѣ. Рогожское училище въ 1835 году было закрыто подъ тѣмъ предлогомъ, что не находится въ вѣдомствѣ министерства „народнаго просвѣще-

нія“ и не подходит по своему характеру подъ уставъ приходскихъ училищъ 1828 года, а безродныхъ школьниковъ взяли въ кантонисты. Гребенщиковское училище хотя тоже въ тѣ мрачныя времена не уцѣлѣло и было въ 1843 году закрыто, но оно все-таки было потомъ восстановлено на особыхъ правилахъ, высочайше утвержденныхъ 4 февраля 1866 года. Возобновить же рогожское училище такъ и не удалось до провозглашенія на Руси политической свободы. Воспитанницы кладбища обучались грамотѣ у „читалокъ“ и „канонницъ“. Изъ Рогожскаго училища вышло много чтецовъ, пѣвцовъ и уставщиковъ, которые извѣстны были и за предѣлами Москвы. Но и такія жестокия и въ сущности дикія, нелѣпыя и безсмысленныя мѣропріятія, какъ закрытіе школъ, не могли заглушить въ старообрядцахъ стремленія къ свѣту и грамотности: училище было перенесено съ кладбища въ деревню Новинка удѣльнаго вѣдомства, близъ села Коломенскаго (9 верстъ отъ Москвы), гдѣ продержалось при часовнѣ до 1839 года, когда было снова разорено распоряженіемъ управляющаго московской удѣльной конторой. Но и тогда оно не прекратилось, а было опять тайно перенесено въ село Коломенское къ тамошней часовнѣ *).

Кромѣ богадѣленныхъ и иныхъ „палатъ“ на кладбищѣ былъ построенъ особый домъ подъ именемъ „пріюта“ для пріѣзда свадебъ и для отдыха молящихся, живущихъ далеко отъ кладбища, во время говѣнья, между службами или передъ заутренями на большіе праздники.

Обстановка богадѣленныхъ „палатъ“, какъ и теперь, была очень скромная.

Бѣлье и одежда призрѣваемыхъ издавна пріобрѣтаются на счетъ кладбища, но дозволяется имѣть и свое. Въ палатахъ находятся иконостасы съ подсвѣчниками и аналоями, за которыми „читалками“ и „канонницами“ читается заупокойная псалтырь и т. под., а иногда такъ-называемая „неугасимая“, т.-е. непрерывно, безъ угашенія лампадъ и свѣчъ. Въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія количество призрѣваемыхъ на кладбищѣ превысило 1000 человѣкъ. Но въ 1835 году кладбище по приказу властей переименовано въ „Рогожскій богадѣленный домъ“, и въ немъ оставлены только самые престарѣлые и немощные, да разрѣшенное количество прислуги, считая по одному человѣку на десять призрѣваемыхъ.

*) «Собраніе постановленій по части раскола», стр. 161, 162, 172 и 176. «Журналъ москов. совѣщат. о раскольникахъ комитета» 22 ноября 1839 г. и 10 апрѣля 1840 г., въ архивѣ московскаго генераль-губернатора.

Содержаніе и внутренній распорядокъ богадѣленъ, которыхъ призрѣвается нынѣ около 700 человекъ, заставляютъ желать многого. Лишь за послѣдніе годы, когда съ учрежденіемъ на кладбищѣ общины, постепенно водворяется большій порядокъ вообще въ дѣлахъ кладбища, и въ богадѣльняхъ кое-что дѣлается въ смыслѣ упорядоченія, соблюденія необходимой чистоты и т. под. Но нужно сказать, что и трудно добиться большихъ результатовъ въ этомъ отношеніи: средства кладбища ограничены, зданія все старыя, строенныя безъ расчета и системы и большею частью не отвѣчающія современнымъ техническимъ, гигиеническимъ и инымъ требованіямъ.

В. Е. Макаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Новые вопросы церковной жизни.

Съ полученіемъ свободы и съ изданіемъ закона 17 октября 1906 года объ общинахъ явились новые вопросы среди старообрядцевъ во всѣхъ согласіяхъ, въ нѣкоторыхъ даже произошли раздоры и раздѣленія подъ названіемъ: „общинники“ и „необщинники“. Непринимающіе общины сказанный законъ толкуютъ вкривь и вкосъ, вытолковываютъ изъ него разныя погрѣшности и ереси. А нѣкоторые, принимая общину, въ то же время безпощадно критикуютъ сказанный законъ. Священникъ города Казани о. А. Калягинъ, хотя и зарегистрированъ настоятелемъ при общинѣ, но издалъ цѣлую тетрадку противъ общинъ, которой и пользуются „необщинники“. Также и епископъ нижегородскій Иннокентій, хотя не отвергаетъ цѣликомъ законъ и общину, но тѣмъ не менѣе критикуетъ законъ за то, что по этому закону общимъ собраніемъ общины избираются, принимаются и увольняются духовныя лица. Такой порядокъ епископъ Иннокентій называетъ „противоканоничнымъ“, „законопреступнымъ“ и „безнравственнымъ“. Онъ настаиваетъ, чтобы духовныя лица, т.-е. священники, отъ общины, отъ прихода, нисколько не были зависимы, но чтобы они всецѣло были зависимы только отъ епископа: только онъ одинъ имѣетъ *полную власть переводить священниковъ изъ общины въ общину, запрещать и увольнять отъ должности на время и навсегда*. (Его статья „Наши общины и гражданская власть“ въ журналѣ „Старообрядческая Мысль“ № 3 за 1910 г.) Въ подтвержденіе своихъ мыслей еп. Иннокентій не указалъ почему-то ни одного соборнаго правила, а только высказываетъ свои соображенія и предположенія. Въ общемъ онъ, критикуя сказанный законъ объ увольненіи священниковъ, выставляетъ слѣдующія причины: что могутъ быть разнаго рода злоупотребленія и что, по случаю распрей въ общинѣ, будетъ вмѣшиваться во внутреннюю цер-

Отвѣта я не скоро дождался: оказывается, моему адресату много пришлось похлопотать, прежде чѣмъ онъ добился случая узнать это. Только случайность натолкнула его на эти свѣдѣнія въ городскомъ архивѣ. Вотъ что онъ сообщилъ мнѣ:

„Настоящій городской гербъ г. Мюнхена былъ когда-то „монахъ, изображаемый на серебряномъ полѣ“, имѣвшій происхожденіе отъ основанія его монахами и отъ мѣстности, которая была когда-то монашескою культурною страной. Имя „Мюнхенъ“ значитъ „монахамъ“. Первый разъ оно встрѣчается съ историческою точностью въ документѣ императора Фридриха Барбароссы отъ 14 января 1158 года по случаю созыва имперскаго совѣта (парламента), въ Аусбургѣ.

Спервоначала изображеніе герба было со строгими чертами монаха, одѣтаго въ черную одежду ордена бенедиктинцевъ, съ присущими ему атрибутами, но затѣмъ, мало-по-малу, различные художники начали по своему вкусу его искажать, приурочивая къ духу времени, отсюда и произошло, что вмѣсто монаха сталъ изображаться ребенокъ и притомъ часто, вмѣсто св. евангелія, съ кружкою пива въ рукахъ или рѣдкою, рѣдскою и даже сосискою и т. д. Этому искаженію мы въ особенности обязаны мастерамъ XIX вѣка“.

Итакъ, отсюда вытекаетъ, что во времена Фридриха Барбароссы баварскіе католическіе святые (см. нимбъ вокругъ головы изображенія) еще употребляли *двуперстіе*, искаженное постепенно уже въ послѣдующихъ столѣтіяхъ. Это произошло и съ изображеніемъ, нами взятымъ, на которомъ христіанскіе атрибуты замѣнены даже предметами невоздержности: пивомъ и закусками къ нему.

Славное дѣло XIX вѣка нечего сказать!

Н. Зенинъ.

Очеркъ исторіи Рогожскаго кладбища въ Москвѣ.

(Окончаніе).

На Рогожскомъ кладбищѣ, кромѣ всѣхъ перечисленныхъ учрежденій, въ прежнее время было еще нѣсколько женскихъ обителей съ инокинями и „бѣлицами“, число которыхъ, на примѣръ, въ 1845 году достигало 164 человекъ. На многочисленность жителей въ обителяхъ и на большое количество постриженій въ иночество указываетъ и тотъ фактъ, что въ 1854 году, при приѣмѣ кладбища въ вѣдѣніе казеннаго смотрителя, въ кладовой было найдено между прочимъ 300 „власяницъ“. Но съ теченіемъ времени большинство этихъ обителей прекратило свое существованіе, главнымъ образомъ вслѣдствіе гоненій правительства Николая I. Эти обители, какъ и другія въ то время, оказывали на старообрядчество

вообще и особенно на старообрядческіе скиты и монастыри большое вліяніе, способствуя укрѣпленію старообрядчества, сохраненію въ немъ единства, распространенію грамотности и т. под. Изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ до 1850-ыхъ годовъ скитовъ, т.-е. не разоренныхъ или не отнятыхъ насильственно для передачи единовѣрцамъ, въ эти годы, подъ предлогомъ будто бы ведомой скитами „пропаганды раскола“, были высланы всѣ иногородніе обитатели или обительницы, а также имѣющіе менѣе 50 лѣтъ отъ роду, кромѣ ближайшихъ родственниковъ коренныхъ обитателей скитовъ, напримѣръ, дочерей и т. под. Въ 1854 году не избѣжали этой участи и обители Рогожскаго кладбища.

Но жизнь идетъ своимъ чередомъ и обыкновенно находятъ пути для обхода административныхъ капризовъ.

Въ большинствѣ уцѣлѣвшихъ скитовъ ихъ обитатели, чтобы поддержать ихъ существованіе, стали прибѣгать къ вынужденной лжи: принимая новыхъ лицъ въ скитъ, они заявляли администраціи, что это ихъ дочери, сыновья и т. под. Отсюда не имѣющая подъ собою твердой реальной почвы легенда о господствовавшемъ будто бы въ скитахъ чуть не поголовномъ развратѣ, передавшаяся изъ официальныхъ сферъ отчасти и обществу и повлекшая окончательное разореніе и остатковъ скитовъ и обителей. Въ силу этихъ и подобныхъ условій и кладбищенскія обители прекратили свое существованіе, за исключеніемъ одной, которая уцѣлѣла до настоящаго времени. Впрочемъ, одна изъ рогожскихъ обителей инокини Александры была перенесена въ Бѣлую Криницу, гдѣ въ іюлѣ 1852 года мать Александра была поставлена игуменьей тамошняго Успенскаго женскаго монастыря, образованнаго изъ ея обители. Рогожскія женскія обители были общежительныя. Каждая изъ нихъ имѣла свои средства. Съѣстные припасы онѣ получали отъ кладбища и кромѣ того пользовались обычными подаваніями прихожанъ кладбища на большіе праздники или по случаю смерти кого-либо и т. под. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно „заказывали“ въ обители или по богадѣльнямъ читать псалтырь, или же для этой цѣли брали на домъ инокинь или послушницъ „стоять свѣчу“. „По сбору“ рогожскія скитницы никогда не ходили и не ѣздили. Въ обителяхъ, а также и въ богадѣльняхъ могущія работать занимались разными рукодѣліями, напримѣръ, вышиваньемъ, вязаньемъ, плетеньемъ, приготовленіемъ лѣстовокъ, шитьемъ облаченій, бисерныхъ окладовъ на иконы и т. под., а также пряденіемъ льна и шерсти и приготовленіемъ простыхъ тканей для надобностей обителей.

На Рогожскомъ кладбищѣ, по издавна заведенному обычаю, дозволялось строиться и частнымъ лицамъ. Отсюда большое количество на кладбищѣ частныхъ келій и домовъ, въ которыхъ обыкновенно жили ихъ хозяева или лица по ихъ указанію, а по смерти ихъ эти зданія поступали въ собственность кладбища, которое или сдавало ихъ въ наемъ за извѣстную періодическую или единовременную плату, или пускало жильцовъ бесплатно по своему усмотрѣнію, или обращало зданіе на свои общественныя надобности. Но такой порядокъ не всегда ранѣе соблюдался, и были случаи, когда владѣльцы частныхъ келій и домовъ незаконно и безъ вѣдома кладбища продавали ихъ другимъ лицамъ, иногда для кладбища вовсе не желательнымъ. Происходило это до учрежденія на кладбищѣ общины по указу 17 октября 1906 года вслѣдствіе слабаго надзора или же попустительства, можетъ быть и вообще вслѣдствіе неопредѣленности и неустойчивости прежняго юридическаго положенія кладбища. Только въ послѣднее время приняты противъ этого ненормальнаго явленія серьезныя мѣры.

Изъ этихъ частныхъ домовъ въ 1854 году 12 лучшихъ были отняты подъ квартиры единовѣрческаго клира, казеннаго смотрителя и т. д.

Въ этомъ же 1854 году правительство потребовало отъ всѣхъ владѣльцевъ частныхъ домовъ и келій на кладбищѣ документы и планы, и такъ какъ таковыхъ ни у кого не оказалось, то 2 января 1857 года дѣло окончено было тѣмъ, что правительство *всѣ строенія внутри кладбищенской ограды* признало собственностью „Рогожскаго богадѣленнаго дома“.

Всѣми зданіями и постройками занята южная часть владѣнія кладбища, а сѣверная и гораздо большая часть представляетъ кладбище, въ собственномъ смыслѣ этого слова, и пустое запасное пространство.

Рогожское кладбище имѣетъ свой значительный капиталъ, составившійся путемъ пожертвованій, поступленій по духовнымъ завѣщаніямъ, тарелочнаго сбора, дохода отъ продажи свѣчъ и т. д. Такъ какъ кладбище не имѣло правъ юридическаго лица, и завѣщать прямо на имя кладбища было рискованно, въ смыслѣ опасности неутвержденія завѣщанія гражданской палатой, то обыкновенно завѣщаніе предоставляло душеприказчикамъ, „съ общаго всѣхъ ихъ согласія, по ихъ благоусмотрѣнію“, сдѣлать пожертвованіе „на благоудныя дѣла“, а куда и сколько, завѣщатель распоряжался словесно или въ частной запискѣ. Затѣмъ, почти всѣ капи-

талы кладбища хранились въ частныхъ рукахъ попечителей, и лишь нѣкоторыя процентныя бумаги да необходимыя суммы на текущіе расходы хранились въ конторѣ кладбища.

Разумѣется, такіе порядки, практикуемые по необходимости, могли породить извѣстныя недоразумѣнія, даже злоупотребленія и т. под. Но, съ другой стороны — они же, можетъ-быть, и способствовали сохраненію кладбища за старообрядцами даже въ самыя мрачныя и тяжелыя времена: въ самомъ дѣлѣ конфисковать кладбище съ его учрежденіями, но безъ капиталовъ, иначе говоря — содержать его на счетъ казны, — такая мысль, естественно, правительству улыбаться не могла и, можетъ-быть, способствовала отчасти охлажденію филаретовскихъ вождельнѣй на обладаніе „центромъ раскола“.

При водвореніи на кладбищѣ казеннаго смотрителя въ 1854 году въ конторѣ нашли только 17,464 р. 82 к. въ именныхъ билетахъ Московскаго опекунскаго совѣта и немного наличныхъ денегъ на текущіе расходы, хотя, какъ говоритъ молва, можетъ-быть, и недостоверная, въ цвѣтушія времена кладбищенскій капиталъ доходилъ до $2\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей, при чемъ, въ случаѣ большихъ расходовъ, пополнялся по подпискѣ или даже по раскладкѣ между богатѣйшими прихожанами. Ясно, что значительную часть капитала въ 1854 году успѣли убрать въ частныя руки. Въ 1865 году шайка ловкихъ мошенниковъ, переодѣвшихся жандармскимъ полковникомъ, квартальнымъ надзирателемъ и „добросовѣстными“ и явившихся на кладбище якобы для обыска, похитила и этотъ незначительный капиталъ кладбища.

Въ настоящее время имущество и капиталъ старообрядческой общины Рогожскаго кладбища, по балансу на 1 января 1910 года, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) Недвижимаго имущества, не считая храмовъ и ихъ обстановки	956,556 р. 74 к.
2) Разнаго движимаго имущества	18,043 „ 38 „
3) Процентныхъ бумагъ (по номинальной стоимости) на	1,069,845 „ — „
4) Кассы и на текущихъ счетахъ	1,297 „ $9\frac{3}{4}$ „
5) Долговъ за разными лицами	27,729 „ 15 „
6) Разныхъ строительныхъ матеріаловъ, дровъ, масла деревяннаго, ладану, свѣчей, товаровъ, хлѣба, съѣстныхъ и иныхъ припасовъ и т. под.	17,434 „ 63 „
Всего	2,113,937 р. $72\frac{3}{4}$ к.

По тому же балансу за общиной состояло разныхъ долговъ:

1) Своимъ капиталамъ	59,750 р. 51 к.
2) Разнымъ лицамъ и учрежденіямъ	81,632 „ 47 „
3) Не списанныхъ расходовъ по ремонту храмовъ въ 1905 году	23,031 „ 73 „
Всего	164,414 р. 71 к.

Такимъ образомъ, въ смыслѣ матеріальныхъ средствъ, существованіе кладбища прочно. Но возросшія потребности не могутъ уже быть удовлетворены наличными доходами кладбища, и смѣты послѣднихъ лѣтъ состояются съ чувствительными дефицитами. Разумѣется, такое явленіе нельзя назвать нормальнымъ, когда накопленный многими десятилѣтіями капиталъ долженъ погашать дефициты или убывать. Необходимо или изыскивать пути къ упорядоченію и сокращенію расходовъ, и отчеты общины Рогожскаго кладбища за послѣдніе годы показываютъ, что кое-что въ этомъ направленіи сдѣлать можно безъ всякаго ущерба интересамъ кладбища, или изыскивать источники новыхъ доходовъ, что гораздо труднѣе: пожертвованія вездѣ сокращаются, а устройство какихъ-либо доходныхъ предпріятій требуетъ затраты единовременно большихъ средствъ, рисковать которыми опасно. Но будемъ надѣяться, что пути для выхода изъ подобныхъ затрудненій будутъ найдены, и пути достойные этого учрежденія, какъ дорогого сердцу cadaго старообрядца памятника вѣры и усердія нашихъ предковъ *).

В. Е. Макаровъ.

Полемика „по-христіански“.

Моей статьей подъ названіемъ „Что такое съ нимъ?“, напечатанной въ № 4-мъ „Старообрядческой Мысли“ за этотъ годъ, читатель уже введенъ въ курсъ того, что пониманіе еп. Иннокентія Нижегородскаго по многимъ предметамъ не совпадаетъ съ пониманіемъ лично моимъ, пониманіемъ редакціи „Старооб. Мысли“, журнала „Церкви“ и большинства церкви-народа вообще. Само собою понятно, что всѣ люди одинаково мыслить не могутъ. Да это и нежелательно, ибо только различіе мышленія создаетъ интересъ дѣла и лучшее его изученіе. Различіе мышленія о

*) Пособія: „Новые матеріалы для исторіи старообрядства“ Е. Барсова; „Историческіе очерки поповщины“ П. Мельникова; „Изъ исторіи Рогожскаго кладбища“ Н. Субботина и друг.